

По делу «S. и Марпер против Соединенного Королевства»

Европейский Суд по правам человека¹, рассматривая дело Большой Палатой в составе:

Жан-Поля Коста, *Председателя Большой Палаты Суда*,

Христоса Розакиса,
Николаса Братца,
Пера Лоренсена,
Франсуазы Тюлькенс,
Жозепа Касадеваля,
Джованни Бонелло,
Корнелиу Бирсана,
Нины Вайич,
Анатолия Ковлера,
Станислава Павловского,
Эгберта Мийера,
Данутэ Йочиенэ,
Яна Шикуты,
Марка Виллигера,
Пааиви Хирвелаа,
Леди Бьянку, *судей*,

а также при участии Майкла О'Бойла, *заместителя Секретаря-Канцлера Суда*,

проведя совещания за закрытыми дверями 27 февраля 2008 г. и 12 ноября 2008 г., вынес 12 ноября 2008 г. следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по двум жалобам (№ 30562/04 и № 30566/04) против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (*далее* — Соединенное Королевство), поданной в Европейский Суд 16 августа 2004 г. согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) двумя подданными Соединенного Королевства, г-ном S. (*далее* — первый заявитель) и г-ном Майклом Марпером (*далее* — второй заявитель). Председатель Большой Палаты Суда удовлетворил ходатайство первого заявителя о сохранении анонимности (в порядке пункта 3 правила 47 Регламента Европейского Суда).

2. Интересы заявителей, которым были компенсированы расходы по оказанию юридической помощи, представлял в Европейском Суде г-н П. Махи, сотрудник адвокатской фирмы «Хауэллс» — солиситор, практикующий в г. Шеффилде. Интересы властей Соединенного Королевства (*далее* — государство-ответчик) были представлены в Суде Представителем Соединенного

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

**ДЕЛО «S. И МАРПЕР ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА»
[S. AND MARPER V. THE UNITED KINGDOM]**

(жалобы № 30562/04 и № 30566/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

4 декабря 2008 г.

Настоящее постановление является окончательным, но в его текст могут быть внесены редакционные изменения.

Королевства Великобритании и Северной Ирландии при Европейском Суде по правам человека, г-ном Дж. Грейнджером, сотрудником Министерства иностранных дел и по делам Содружества Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

3. Заявители, ссылаясь на статью 8 и статью 14 Конвенции, жаловались в Европейский Суд на то, что власти государства-ответчика продолжают хранить их отпечатки пальцев, образцы клеток и профили ДНК после того, как производство по уголовным делам в их отношении либо завершилось вынесением оправдательного приговора, либо было прекращено.

4. Жалобы были переданы в производство Четвертой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 16 января 2007 г. Палата этой Секции Суда в составе г-на Ж. Касадеваля, *Председателя Палаты Суда*, Николаса Братца, Джованни Бонелло, Криштакка Трайа, Станислава Павловского,

Яна Шикуты и Пааиви Хирвелаа, *судей*, а также при участии Лоуренса Эрли, Секретаря Секции Суда, объявила жалобу приемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу.

5. 10 июля 2007 г. Палата Европейского Суда уступила юрисдикцию в пользу Большой Палаты, причем ни одна из сторон не возражала против этого (статья 30 Конвенции и правило 72 Регламента Европейского Суда).

6. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

7. И заявители, и государство-ответчик представили письменные меморандумы по существу дела. Кроме того, замечания по делу были получены от г-жи Анны Фэарклай, выступающей от имени Совета свободы (Национального совета в защиту гражданских свобод) [*Liberty; the National Council for Civil Liberties*], и от адвокатской фирмы «Ковингтон и Бёрлинг» [*Covington and Burling LLP*], выступающей от имени организации «Прайвеси интернешнл» [*Privacy International*], который Председатель Большой Палаты разрешил вступить в производство по делу в качестве третьей стороны на

От редакции. Заявители были взяты под стражу, а затем им предъявили обвинение в совершении преступлений. У них взяли отпечатки пальцев и образцы ДНК. После того как обоим заявителям были вынесены оправдательные приговоры, они просили уничтожить взятые у них отпечатки пальцев и образцы ДНК. Их просьбы были отклонены, так как по закону эти данные могли храниться бессрочно. Европейский Суд отметил, что закон не оговаривал условия и порядок хранения отпечатков пальцев и образцов ДНК; он не предоставлял гарантий, исключающих их нецелевое использование, а также не давал возможности принимать в расчет индивидуальные обстоятельства каждого конкретного дела. Поэтому Суд единогласно констатировал нарушение статьи 8 Конвенции. Суд счел необязательным рассматривать вопрос о возможном нарушении статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции. Заявителям было присуждено возмещение понесенных ими судебных издержек и расходов, при этом Суд счел, что признание факта нарушения Конвенции само по себе является достаточно справедливой компенсацией причиненного им морального вреда.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

стадии представления письменных замечаний (в порядке пункта 2 статьи 36 Конвенции и пункт 2 правила 44 Регламента Европейского Суда). Обе стороны представили свои ответы на замечания Совета свободы, а государство-ответчик — еще и на комментарии организации «Прайвеси интернешнл» (пункт 5 правила 44 Регламента Европейского Суда).

8. Слушания по делу были публичными и состоялись во Дворце прав человека, г. Страсбург, 27 февраля 2008 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В заседании Европейского суда приняли участие:

(а) со стороны государства-ответчика:

г-жа Э. Уиллмотт, Представитель Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии при Европейском Суде по правам человека,

г-н Рабиндер Сингх, королевский адвокат¹,

г-н Дж. Стрэчен, адвокаты,

г-н Н. Фассел,

г-жа П. Макфарлейн,

г-н М. Прайор,

г-н С. Брэмбл,

г-жа Э. Рис,

г-н С. Сен, консультанты,

г-н Д. Гурли,

г-н Д. Лавдей, наблюдатели;

(б) со стороны заявителей:

г-н С. Крэгг,

г-н А. Сутервалла, адвокаты,

г-н П. Махи, солиситор.

Европейский Суд заслушал выступления г-на С. Крэгга и г-на Рабиндера Сингха, королевского адвоката, а также их ответы на вопросы судей.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявители, 1989 года и 1963 года рождения соответственно, проживают в г. Шеффилде.

10. Первый заявитель, г-н С., был арестован 19 января 2001 г., когда ему было одиннадцать лет. Ему предъявили обвинение в попытке кражи с применением насилия, сняли у него отпечатки пальцев и взяли образцы ДНК². 14 июня 2001 г. ему был вынесен оправдательный приговор.

11. Второй заявитель, г-н Майкл Марпер, был арестован 13 марта 2001 г. Ему было предъявлено обвинение в насильственных домогательствах в отношении сожительницы. У него сняли отпечатки пальцев и взяли образцы ДНК. До проведения досудебного разбирательства он помирился со своей сожительницей, и она отозвала свою жалобу. 11 июня 2001 г. Служба

уголовного преследования Соединенного Королевства [Crown Prosecution Service] вручила адвокатам второго заявителя уведомление о прекращении производства по делу, а 14 июня 2001 г. производство по делу было официально прекращено.

12. Оба заявителя просили уничтожить их отпечатки пальцев и образцы ДНК, однако в обоих случаях полиция отказалась это сделать. Заявители обратились в суд с просьбой проверить обоснованность решений полиции не уничтожать их отпечатки пальцев и образцы ДНК. 22 марта 2002 г. административный суд (в составе Лорда-судьи Апелляционного суда³ Англии и Уэльса Роуз и судьи Левесон) отклонил их жалобу [Отделение по административным делам Высокого суда Англии и Уэльса, 2002 год, дело № 478].

13. 12 сентября 2002 г. Апелляционный суд двумя голосами «за» (Лорд-главный судья Вульф и судья Апелляционного суда Уоллер) и одним голосом «против» (судья Апелляционного суда Седли) оставил решение административного суда без изменения [Отделение по гражданским делам Апелляционного суда Англии и Уэльса, 2003 год, дело № 1275]. Говоря о необходимости хранения образцов ДНК, судья Апелляционного суда Уоллер отметил следующее:

«<...> Отпечатки пальцев и профили ДНК заключают в себе лишь ограниченный объем информации личного характера. Физические образцы потенциально содержат значительно больший объем более личной и подробной информации. Нас тревожит, что когда-нибудь наука сможет дать возможность проводить настолько глубокий анализ образцов, что на его основе можно будет получать информацию о предрасположенности индивида к совершению определенных видов преступлений, а статья, о которой идет речь [статья 82 Закона об уголовном судопроизводстве и полиции 2001 года], в ее нынешней редакции позволяет их использовать с этой целью. Кроме того, можно сказать, что в закон могут быть внесены изменения, позволяющие использовать образцы ДНК в иных целях, нежели те, которые перечислены в указанной статье. Далее, можно сказать, что во время хранения образцов ДНК даже сейчас есть опасность того, что они будут использоваться вопреки закону. Поэтому указанных целей можно было бы достичь ценой меньших ограничений <...>. Почему бы не достичь этой цели путем хранения профилей, а не образцов ДНК?

На мой взгляд, ответ на [эти] вопросы выглядит следующим образом. Во-первых, хранение образцов ДНК позволяет: (а) проверить целостность и оценить возможности последующего использования базы данных по ДНК; (б) еще раз проанализировать возможность обновления профилей ДНК в случае появления нового метода, который позволит более точно фиксировать различия при сопоставлении ДНК разных людей; (с) еще раз проанализировать, а значит, возможно, извлечь другие признаки ДНК и таким образом получить пре-

¹ Королевский адвокат (*Queen's Counsel, QC*) — высшее адвокатское звание в в Соединенном Королевстве; присваивается королевской грамотой по рекомендации Лорд-канцлера Соединенного Королевства (*примечание редакции*).

² ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) — это химическое соединение, присутствующее практически в каждой клетке тела. Содержащаяся в ней в форме кода или языка генетическая информация определяет физические характеристики и управляет всеми химическими процессами, протекающими в теле. Если не считать однойцевых близнецов, ДНК каждого человека уникальна. Образцы ДНК — это образцы клеток, хранящиеся после анализа, а также подобразцы и частичные образцы клеток. Профили ДНК — это оцифрованная информация, хранящаяся в электронном виде в национальной базе данных по ДНК вместе со сведениями о лице, к которому она относится.

³ Апелляционный суд [*Court of Appeal*] Англии и Уэльса — один из высших судебных органов Соединенного Королевства. Далее — Апелляционный суд. Он состоит из коллегии по гражданским делам и коллегии по уголовным делам и рассматривает в составах из трех или более судей апелляционные жалобы на постановления других судов. В него входят Лорд-канцлер, бывшие Лорд-канцлеры, Лорд-главный судья (возглавляет коллегия по гражданским делам) и другие высшие судебные деятели, а также до 18 лордов-апелляционных судей (*примечание редакции*).

имущества с точки зрения скорости, чувствительности и стоимости поиска по базе данных; (d) произвести дополнительный анализ в случае, если человек утверждает, что произошла судебная ошибка; и (e) произвести дополнительный анализ для выявления возможных ошибок, допущенных при анализе или при обработке информации. Требуется определить сравнительную значимость этих преимуществ и опасностей, на которые указывает Совет свободы. По поводу этих опасностей наша позиция в любом случае заключается в том, что, во-первых, любые изменения законодательства должны сами по себе соответствовать положениям Конвенции; во-вторых, положениям Конвенции должны соответствовать любые изменения правоприменительной практики; а в-третьих, нельзя с самого начала считать эти изменения незаконными. Поэтому мне кажется, что указанные опасности невелики и в таком виде их перевешивают преимущества, которые сулит достижение цели предотвращения преступлений и привлечения к ответственности тех, кто их совершил».

14. По мнению судьи Апелляционного суда Седли, начальник полиции должен пользоваться своим правом уничтожать информацию о человеке, которая в обычных обстоятельствах должна была бы храниться, всякий раз, когда у него создается внутреннее убеждение, что этот человек находится вне всяких подозрений, как бы редко это ни случалось. Он также отметил, что разница между хранением образцов и профилей ДНК заключается в том, что в случае хранения образцов ДНК из них можно будет в будущем извлечь больше информации, чем при первоначально произведенном анализе.

15. 22 июля 2004 г. Палата лордов Парламента Соединенного Королевства¹ оставила поданную заявителями апелляционную жалобу без удовлетворения. Лорд-судья Стейн, который писал решение от имени большинства судей, вспомнил, как принимался пункт 1А статьи 64 Акта о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 года [*Police and Criminal Evidence Act*] (далее — Акт 1984 года). В частности, он напомнил, что этот пункт был введен Парламентом после того, как общество выразило обеспокоенность предыдущим законом, согласно которому если человек не подвергся уголовному преследованию или был оправдан, то образец его ДНК требовалось уничтожить, а собранную о нем информацию нельзя было использовать. В двух случаях убедительные доказательства в виде ДНК, указывающие на причастность одного подозреваемого к изнасилованию, а другого — к убийству, не могли быть использованы, так как к тому времени, когда у подозреваемых были взяты образцы ДНК, один из них был оправдан, а в отношении второго было принято решение о прекращении уголовного преследования за преступление, в связи с совершением которого были получены эти образцы; в итоге обоим подозреваемым оказалось невозможно вынести обвинительный приговор.

16. Лорд-судья Стейн отметил значительную ценность взятых у подозреваемых отпечатков пальцев и образцов ДНК. Он привел в качестве примера дело 1999 года, в рамках которого сведения о ДНК преступника в результате поиска, проведенного в общенациональной базе данных, совпали с ДНК некоего I. Взятый у I. образец ДНК требовалось уничтожить, но этого не было сделано. I. признал себя виновным в изнасиловании, и ему был

вынесен обвинительный приговор. Если бы не произошла ошибка и образец ДНК I. был бы уничтожен, то личность преступника могла остаться неустановленной.

17. Кроме того, Лорд-судья Стейн сослался на статистические данные, из которых следовало, что почти шесть тысяч профилей ДНК были связаны с профилями, полученными из образцов ДНК с места преступления, которые согласно ранее действовавшему законодательству подлежали уничтожению. Речь шла о 53 убийствах, 33 покушениях на убийство, 94 изнасилованиях, 38 преступлениях сексуального характера, 63 кражах, совершенных при отягчающих обстоятельствах, а также о 56 случаях, связанных с поставкой запрещенных к обороту наркотических веществ. На основании архивных документов статистика Министерства внутренних дел утверждала, что образец, взятый на месте преступления, с вероятностью 40% сразу же совпадет с чьим-нибудь профилем ДНК, хранящимся в базе данных. По мнению Лорда-судьи Стейна, это свидетельствует о том, что отпечатки пальцев и образцы ДНК, которые теперь появилась возможность хранить, в последние три года играют ведущую роль в выявлении тяжких преступлений и привлечении к ответственности за их совершение.

18. Далее, Лорд-судья Стейн отметил, что в Акте 1984 года отдельно рассматриваются вопросы взятия отпечатков пальцев и образцов ДНК, их хранения и их использования.

19. По поводу анализа положений Конвенции Лорд-судья Стейн уточнил, что простое хранение отпечатков пальцев и образцов ДНК не является вмешательством государства в осуществление права человека на уважение личной жизни, добавив, что, если он и ошибается, любое возможное вмешательство на самом деле крайне незначительно. Вопрос о том, могут ли в будущем хранящиеся образцы использоваться ненадлежащим образом, по его мнению, не имеет отношения к оценке использования хранящихся образцов в настоящее время в связи с выявлением преступлений и привлечением к ответственности за их совершение. Если в будущем этого потребует развитие науки, можно будет при необходимости принять судебные решения, обеспечивающие совместимость сложившейся в настоящее время практики хранения и использования образцов ДНК с положениями Конвенции. Правило, согласно которому хранящиеся материалы можно использовать лишь в «целях, имеющих отношение к предотвращению или выявлению преступлений <...>», по мнению Лорда-судьи Стейна, не чрезмерно расширяет возможности допустимого использования этих материалов, так как такое использование ограничено контекстом, в котором оно осуществляется.

20. В случае появления необходимости оправдать незначительное вмешательство государства в личную жизнь Марпер Стейн согласен с судьей Апелляционного суда Седли в том, что цели хранения образцов ДНК (предотвращение преступлений и защита права других лиц на то, чтобы в отношении них не совершались преступления) «предусмотрены законом», как того требует статья 8 Конвенции.

21. По вопросу об оправданности любого вмешательства государства, каковым бы оно ни было, заявители возражают, что хранение отпечатков пальцев и образцов ДНК заставляет подозревать в совершении преступлений тех лиц, которым были вынесены оправдательные приговоры. Адвокат министра внутренних дел признал, что

¹ В дополнение к своим законодательным функциям Палата лордов выступает в качестве высшей судебной инстанции страны. Она имеет юрисдикцию высшего апелляционного суда, а по некоторым делам — суда первой инстанции. Палата лордов рассматривает апелляционные жалобы на решения судов по гражданским делам на территории всей страны, а на решения судов Англии, Уэльса и Северной Ирландии — по уголовным делам (примечание редакции).

цель хранения не имеет никакого отношения к прошлому лица, то есть к преступлению, в связи с которым ему был вынесен оправдательный приговор, а заключается в содействии расследованию правонарушений в будущем. Хранение образцов ДНК заявителей может иметь для них негативные последствия лишь в том случае, если эти образцы совпадут с образцами ДНК, найденными на месте будущего преступления. Лорд-судья Стейн указал на пять факторов, заставляющих прийти к выводу, что вмешательство государства в осуществление прав заявителей, о котором идет речь, соразмерно преследуемой цели: (i) хранение отпечатков пальцев и образцов ДНК осуществляется исключительно в целях выявления преступлений, их расследования и привлечения к ответственности за их совершение; (ii) отпечатки пальцев и образцы ДНК никак не используются, если отсутствуют отпечатки пальцев или образцы ДНК, взятые на месте преступления, с которыми их можно было бы сравнить; (iii) отпечатки пальцев не становятся общедоступными; (iv) без специальной подготовки на основе хранящейся информации невозможно установить личность человека; и (v) увеличение объема базы данных за счет хранения отпечатков пальцев и образцов ДНК дает огромные преимущества в борьбе с тяжкими преступлениями.

22. В ответ на довод о том, что этой же цели законодатель мог бы достичь средствами, не предполагающими столь серьезного вмешательства государства в личную жизнь, в частности, предусмотрев, что вопрос о хранении отпечатков пальцев и образцов ДНК должен решаться в индивидуальном порядке с учетом обстоятельств каждого конкретного дела, Лорд-судья Стейн сослался на комментарии судьи Апелляционного суда Уоллера, согласно которым «если обстоятельства, оправдывающие хранение отпечатков пальцев и образцов ДНК, имеют хоть какое-то отношение к тому, как полиция оценивает степень невиновности лица, то тогда подозреваемые, которым были вынесены оправдательные приговоры, чьи образцы ДНК хранятся в общенациональной базе данных, могут небезосновательно утверждать, что это свидетельствует об их стигматизации¹ обществом или о дискриминации в отношении них, заявляя, что им были вынесены оправдательные приговоры, и они имеют право считаться невиновными, а с ними обращаются как с преступниками. На самом деле если просто сказать, что хранение взятых на законных основаниях образцов ДНК — это нормально, а наличие у полиции максимально полной базы данных отвечает интересам общества в борьбе с преступностью, то это ни в коем случае не свидетельствует ни о какой-либо социальной стигматизации».

23. Лорд-судья Стейн не согласился с тем, что, говоря о хранении не образцов, а профилей ДНК, следует прийти к иному выводу.

24. Далее, Палата лордов отклонила жалобу заявителей на то, что хранение их отпечатков пальцев и образцов ДНК является обращением, имеющим характер дискриминации, и нарушает статью 14 Конвенции, если сравнить их положение с положением тех, у кого полиция не брала отпечатков пальцев и образцов ДНК в ходе следствия по уголовным делам. Лорд-судья Стейн решил: даже если предположить, что статья 8 Конвенции распространяется на хранение отпечатков пальцев и образцов ДНК, и значит, статья 14 Конвенции является применимой, то различие в обращении, о котором говорят заявители, не основывается на их «статусе» для

целей статьи 14 Конвенции: оно просто отражает исторический факт, не имеющий отношение ни к каким личностным характеристикам, что в распоряжении властей уже находились взятые на законных основаниях отпечатки пальцев и образцы ДНК соответствующих лиц. По его мнению, в любом случае нельзя сказать, что заявители и подозреваемые, отпечатки пальцев и образцы ДНК которых, возможно, будут сравнивать с отпечатками пальцев и образцами ДНК заявителей, находятся в аналогичном положении. Даже если он и ошибается и нужно рассматривать вопрос об оправданности любого различия в обращении, каким бы оно ни было, то такое объективное оправдание, по мнению Лорда-судьи Стейна, имеется: во-первых, очевидно, присутствует элемент правомерной цели, так как увеличение объема базы данных по отпечаткам пальцев и образцам ДНК отвечает интересам общества, позволяя выявлять тяжкие преступления, привлекать к ответственности совершивших их лиц и не допускать наказания невиновных; во-вторых, удовлетворено требование соразмерности, так как пункт 1А статьи 64 Акта 1984 года объективно представляет собой взвешенный и соразмерный способ достижения поставленной законодателем цели борьбы с тяжкими преступлениями.

25. Баронесса Хэйл Ричмондская не согласилась с мнением большинства судей, высказав мнение, что хранение и отпечатков пальцев, и образцов ДНК представляет собой вмешательство государства в осуществление человеком права на уважение его личной жизни и, таким образом, должно быть оправданным с точки зрения Конвенции. По ее мнению, это один из аспектов конфиденциальности информации личного характера, а что может иметь более личный характер для человека, чем знание его генетического облика? Далее, она заявила, что значение различия между отпечатками пальцев и данными о ДНК возрастает, когда речь идет об оправданности их хранения, так как обстоятельства, оправдывающие хранение отпечатков пальцев, и обстоятельства, оправдывающие хранение образцов ДНК, могут значительно различаться. Она согласилась с большинством судей в том, что такие обстоятельства без труда можно усмотреть в случае с обоими заявителями.

II. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ДОКУМЕНТЫ

A. Англия и Уэльс

1. *Акт о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 года*

26. Акт о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 года [*Police and Criminal Evidence Act*] (далее — Акт 1984 года) наделяет сотрудников полиции полномочиями по снятию отпечатков пальцев (в основном статья 61) и взятию образцов ДНК (в основном статья 63). Согласно статье 61, человек может быть дактилоскопирован без его согласия лишь с разрешения сотрудника полиции рангом не ниже суперинтенданта полиции либо в случае, если человеку было предъявлено обвинение в правонарушении, совершение которого влечет за собой постановку на учет в полиции [*recordable offence*], или если ему сообщили, что в связи с такого рода правонарушением в отношении него будет составлен рапорт.

¹ Стигматизация — согласно криминологической теории процесс (или результат) навязывания государством лицу, совершившему общественно опасное деяние, стигмы, клейма преступника. Тому, кто однажды был заклеен как преступник, трудно в дальнейшем избавиться от этого клейма и восстановить свое прежнее положение в обществе (примечание редакции).

До проведения дактилоскопирования человеку должны сообщить, что отпечатки пальцев теоретически могут быть использованы для поиска, и факт его уведомления об этом должен быть как можно скорее зафиксирован в протоколе. Кроме того, в протоколе указывается основание для проведения дактилоскопирования. Аналогичные правила действуют применительно к взятию образцов ДНК (статья 63).

27. В части, касающейся хранения отпечатков пальцев и образцов ДНК (и ведения соответствующих протоколов), пункт 1А статьи 64 Акта 1984 года был заменен статьей 82 Акта об уголовном судопроизводстве и полиции 2001 года [*Criminal Justice and Police Act*], которая предусматривает следующее:

«Когда: (а) отпечатки пальцев или образцы ДНК берутся у лица в связи с расследованием по уголовному делу и (b) подпункт 3 настоящей статьи не требует их уничтожать, отпечатки пальцев или образцы ДНК могут храниться после того, как они были использованы для достижения цели, ради которой они были взяты, но не могут никем использоваться иначе как в целях, имеющих отношение к предотвращению или выявлению преступлений, расследованию преступлений или осуществлению уголовного преследования. <...>»

(3) Если: (а) отпечатки пальцев или образцы ДНК берутся у лица в связи с расследованием по уголовному делу и (b) это лицо не является подозреваемым по данному делу, они должны быть уничтожены сразу же после их использования для достижения цели, ради которой они были взяты, за исключением случаев, предусмотренных в последующих пунктах данной статьи.

(3АА) Образцы и отпечатки пальцев, которые не требуется уничтожать согласно подпункту 3 настоящей статьи, если (а) они были взяты в целях проведения расследования по уголовному делу, в рамках которого был вынесен обвинительный приговор; и (b) образец ДНК или, в зависимости от обстоятельств, отпечатки пальцев также были взяты у осужденного для целей проведения этого расследования».

28. В более ранней редакции статья 64 содержала требование о том, что если у человека в рамках расследования по уголовному делу снимают отпечатки пальцев или берут образцы ДНК, а впоследствии по этому делу выносится оправдательный приговор, то эти отпечатки пальцев и образцы ДНК, за некоторыми исключениями, должны быть уничтожены «при первой же возможности после окончания производства по делу».

29. Последующее использование материалов, хранящихся согласно пункту 1А статьи 64, Актом не урегулировано, если не считать содержащихся в этом пункте ограничений на их использование. В деле по Представлению Генерального атторнея Соединенного Королевства¹ [*Attorney General's Reference*] (№ 3 за 1999 год) (Сборник решений по апелляционным жалобам [*AC*], 2001 год, т. 2, с. 91) Палата лордов должна была рассмотреть вопрос о том, разрешено ли использовать в качестве доказательства по делу образец ДНК, который согласно статье 64 Акта 1984 года в действующей в то время редакции следовало уничтожить. Палата лордов пришла к выводу, что запрет на использование незаконно полученного образца «для целей какого бы то ни было расследования» не предполагает императивного обязательства исключить

из дела доказательства, полученные в результате нарушения этого запрета, и оставила вопрос о допустимости таких доказательств на усмотрение судьи, рассматривающего дело по существу.

2. Акт о защите информации 1998 года

30. Акт о защите информации [*Data Protection Act*] был принят 16 июля 1998 г. для введения в действие Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза № 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. (см. ниже, пункт 50 настоящего постановления). Согласно Акту о защите информации, «информация личного характера» означает сведения, относящиеся к ныне живущему человеку, личность которого может быть установлена: (а) на основании этой информации; (b) на основании этой информации и иных данных, которые именуются в распоряжении лица, осуществляющего контроль за обработкой данных, или могут поступить в его распоряжение, в том числе любые мнения о человеке и любые указания на намерения лица, осуществляющего контроль за обработкой данных, или любого другого лица по отношению к данному человеку (статья 1). «Конфиденциальная информация личного характера» означает сведения личного характера, включающие в себя, в числе прочего, данные о расовой или национальной принадлежности субъекта данных, совершении (предполагаемом совершении) им какого-либо преступления или о производстве по делу, возбужденному по факту совершённого (предположительно совершённого) им преступления, об окончании такого производства или о наказании, назначенном судом за совершение этого преступления (статья 2).

31. Акт о защите информации предусматривает, что обработка информации личного характера осуществляется на основе восьми принципов защиты информации, перечисленных в Приложении 1. Согласно первому принципу, информация личного характера обрабатывается беспристрастно и в соответствии с законом. Она подлежит обработке лишь тогда: (а) когда соблюдено по крайней мере одно из условий, указанных в Приложении 2, и (b) когда речь идет о конфиденциальной информации личного характера и когда соблюдено по крайней мере одно из условий, указанных в Приложении 3. Приложение 2 содержит подробный перечень условий, в частности, условие, согласно которому обработка любой информации личного характера должна быть необходимой для отправления правосудия или для осуществления любой другой функции публичного характера, выполняемой каким-либо лицом в интересах общества (подпункты «а» и «d» пункта 5). Приложение 3 содержит более подробный перечень условий, в частности, условие, согласно которому обработка конфиденциальной информации личного характера должна требоваться для проведения какого-либо судебного разбирательства или в связи с его проведением (подпункт «а» пункта 6) либо для отправления правосудия (подпункт «а» пункта 7) и осуществляться с соблюдением соответствующих гарантий прав и свобод субъектов информации (подпункт «b» пункта 4). Статья 29 предусматривает, в частности, что первый принцип не применяется к информации личного характера, обработка которой осуществляется в целях предотвращения или выявления преступлений, если только этого не требуется для соблюдения условий, содержащихся в Приложении 2 и в Приложении 3. Пятый принцип устанавливает, что информация личного характера, которая обрабатывается для до-

¹ Генеральный атторней [*Attorney General*] — высшее должностное лицо правительства Соединенного Королевства в сфере права и правоприменения. Генеральный атторней представляет в судах интересы Короны по наиболее важным делам, консультирует правительство по юридическим вопросам, выполняет важные функции, связанные с уголовным преследованием; под его надзором действует назначаемый им Директор публичных преследований (*примечание редакции*).

стижения одной или нескольких целей, не должна храниться дольше, чем это требуется для достижения этих целей.

32. Уполномоченный по вопросам информации [*Information Commissioner*] (эта должность была введена Актом 1998 года (с изменениями и дополнениями)) играет независимую роль, которая заключается в том, чтобы обеспечивать надлежащее выполнение своих обязанностей лицами, которые осуществляют контроль за обработкой данных. Он имеет право издавать для этого распоряжения [*enforcement notices*] (статья 40). В соответствии с Актом 1998 года неисполнение распоряжений Уполномоченного по вопросам информации, а также получение или разглашение информации личного характера либо содержащихся в ней сведений без согласия лица, осуществляющего контроль за их обработкой, является преступлением (статья 47 и статья 55 соответственно). Статья 13 предусматривает право обращаться в суды Соединенного Королевства с требованием о возмещении ущерба, причиненного нарушениями Акта 1998 года.

3. Рекомендации по хранению поименных сведений в общенациональной полицейской базе данных 2006 года

33. Ряд указаний по хранению отпечатков пальцев и информации о ДНК содержится в Рекомендациях по хранению поименных сведений в общенациональной полицейской базе данных 2006 года, составленных Ассоциацией старших сотрудников полиции в Англии и Уэльсе [*Association of Chief Police Officers in England and Wales*]. Рекомендации основаны не на принципе удаления информации из общенациональной полицейской базы данных, а на принципе ограничения доступа к ней. В них признаётся, что принятие Рекомендаций может затронуть деятельность неполицейских учреждений, которые в настоящее время наряду с полицией имеют доступ к информации, содержащейся в общенациональной полицейской базе данных.

34. В данных Рекомендациях устанавливаются различные уровни доступа к информации, содержащейся в общенациональной полицейской базе данных, с помощью системы диверсификации доступа. Доступ к информации о лицах, которые не были признаны судом виновными в совершении преступлений, автоматически ограничивается таким образом, что ее могут использовать только сотрудники полиции. Доступ к информации о лицах, которым были вынесены обвинительные приговоры, также ограничивается, но уже по истечении определенного срока, составляющего от 5 до 35 лет в зависимости от степени тяжести совершённого преступления, возраста подозреваемого и назначенного судом наказания. В некоторых случаях доступ к информации о лицах, которым были вынесены обвинительные приговоры, не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах.

35. Старшие сотрудники полиции осуществляют контроль за обработкой всех сведений, внесенных в общенациональную полицейскую базу данных их подчиненными. В исключительных обстоятельствах они вправе санкционировать удаление из базы данных информации об обвинительных приговорах, нарушениях общественного порядка, оправдательных приговорах или предыдущих задержаниях, находящейся в их ведении. Особый порядок, призванный помочь старшим сотрудникам полиции в осуществлении этого права в исключительных случаях, установлен в Приложении 2.

Предполагается, что исключительные случаи по определению встречаются редко; речь идет о тех ситуациях, когда первоначальное задержание или взятие образцов ДНК были незаконными или когда вне всякого сомнения установлено, что никакого правонарушения совершенно не было. Прежде чем решить, является ли тот или иной случай исключительным, старшим сотрудникам полиции рекомендуется обратиться за консультацией к сотрудникам, ответственным за реализацию проекта по хранению данных о ДНК и отпечатков пальцев.

В. Шотландия

36. Согласно Акту об уголовном процессе Шотландии 1995 года [*Criminal Procedure Act*] с последующими изменениями и дополнениями, образцы ДНК и полученные на их основе профили ДНК подлежат уничтожению, если человек не был признан судом виновным в совершении преступления или если с него безоговорочно были сняты все обвинения. В соответствии с недавно внесенными в Акт поправками биологические образцы и профили ДНК могут храниться в течение трех лет, если задержанный подозревается в некоторых преступлениях сексуального характера или в преступлениях, совершенных с применением насилия, даже если ему не был вынесен обвинительный приговор (статья 83 Акта 2006 года, которая ввела в Акт 1995 года статью 18А). По истечении этого срока образцы ДНК и соответствующую информацию требуется уничтожить, если только начальник полиции не обратится к шерифу с просьбой продлить этот срок еще на два года.

С. Северная Ирландия

37. В 2001 году в Распоряжение относительно Северной Ирландии по вопросу о полиции и доказательствах по уголовным делам 1989 года [*Police and Criminal Evidence Order*] были внесены те же изменения, что и в Акт о полиции и доказательствах по уголовным делам, действующий в Англии и Уэльсе. Положения, которыми в настоящее время регламентируется хранение отпечатков пальцев и данных о ДНК в Северной Ирландии, аналогичны правилам, которые применяются в Англии и Уэльсе (см. выше, пункт 27 настоящего постановления).

Д. Доклад Наффилдского совета по биоэтике¹

38. Согласно недавно опубликованному докладу Наффилдского совета по биоэтике [*Nuffield Council on Bioethics*], хранение отпечатков пальцев, профилей ДНК и биологических образцов обычно вызывает больше споров, чем взятие такой биологической информации, а хранение биологических образцов поднимает более серьезные этические проблемы, чем хранение оцифрованных профилей ДНК и отпечатков пальцев, учитывая разницу в количестве информации, которая может быть из них извлечена. Составители доклада ссылаются, в частности, на отсутствие удовлетворительных эмпирических доказательств, позволяющих оправдать существующую в настоящее время практику бессрочного хранения отпечатков пальцев, образцов и профилей ДНК всех лиц, арестованных по подозрению в совершении какого-либо правонарушения, влекущего за собой постановку на учет в полиции, независимо от того, были они впоследствии оправданы или осуждены в связи с этим правонаруше-

¹ Наффилдский совет по биоэтике — независимая экспертная организация, в состав которой входят врачи, практикующие в клиниках, юристы, философы, ученые и богословы, созданная Наффилдским фондом в 1991 году. Данный доклад был опубликован 18 сентября 2007 г. под заголовком «Использование биологической информации в криминалистике: этические проблемы».

нием. Особую озабоченность авторов доклада вызывает практика бессрочного хранения биологической информации о несовершеннолетних ввиду требований Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года.

39. Помимо этого, в докладе выражается обеспокоенность участвующими случаями использования информации о ДНК для установления родственных связей и национальной принадлежности лица, а также для проведения исследований, не относящихся к достижению этих целей. Установление родственных связей — это процесс сопоставления профиля ДНК, взятого на месте преступления, с профилями ДНК, хранящимися в общенациональной базе данных, и их классификация по признаку «близости» родства. Это позволяет установить возможных генетических родственников правонарушителя. Таким образом, поиск родственных связей может привести к выявлению ранее неизвестных или скрываемых генетических связей. Авторы доклада считают использование базы данных по ДНК для установления родственников особенно деликатным вопросом.

40. Далее, конкретное сочетание аллелей¹ в профиле ДНК может быть использовано для оценки наиболее вероятной национальной принадлежности донора. На основе профилей ДНК можно делать предположения о национальности лица, так как «этнический облик» человека систематически фиксируется в базе данных: при взятии биологических образцов сотрудники полиции регулярно причисляют подозреваемых к одной из семи категорий по признаку их «этнического облика». Таким образом, исследования, позволяющие определить национальную принадлежность с использованием базы данных, могут позволить получить информацию, которая может использоваться полицией в ходе расследования, например, с целью способствовать сужению круга подозреваемых и для определения приоритетных направлений расследования. Как отмечается в докладе, социальные факторы и методы работы полиции приводят к тому, что полиция останавливает, обыскивает и арестовывает несоразмерно много чернокожих лиц и представителей национальных меньшинств; соответственно, регистрируются их профили ДНК. Поэтому авторы доклада выражают озабоченность тем, что определение национальной принадлежности лица на основе биологических образцов может позволить укрепиться расистским взглядам на предрасположенность к совершению преступлений.

III. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НАЦИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

A. Документы Совета Европы

41. Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 года (*далее* — Конвенция о защите данных), которая вступила в силу в отношении Соединенного Королевства 1 декабря 1987 г., определяет «персональные данные» как любую информацию, касающуюся определенного или поддающегося определению физического лица («субъекта данных»). Эта Конвенция предусматривает, в частности, следующее:

«Статья 5. Качество данных

Персональные данные, подвергающиеся автоматизированной обработке:

<...>

b. хранятся в определенных и законных целях и не используются иным образом, несовместимым с этими целями;

c. являются адекватными, относящимися к делу и не чрезмерными для целей их хранения;

<...>

e. сохраняются в форме, позволяющей идентифицировать субъектов данных, не дольше, чем это требуется для целей хранения этих данных.

Статья 6. Особые категории данных

Персональные данные, касающиеся расовой принадлежности, политических взглядов или религиозных или иных убеждений, а также персональные данные, касающиеся здоровья или половой жизни, не могут подвергаться автоматизированной обработке, если внутреннее законодательство не устанавливает соответствующих гарантий <...>.

Статья 7. Защита данных

Для защиты персональных данных, хранящихся в автоматизированных базах данных, принимаются надлежащие меры безопасности, направленные на предотвращение их случайного или несанкционированного уничтожения или случайной потери, а также на предотвращение несанкционированного доступа к таким данным, их изменения или распространения».

42. Рекомендация № R(87)15, регламентирующая вопросы использования информации личного характера в деятельности полиции (принята 17 сентября 1987 г.), предусматривает, в частности, следующее:

«Принцип 2. Сбор информации

2.1. Сбор информации личного характера для целей деятельности полиции должен ограничиваться объемом, необходимым для предотвращения реальной опасности или пресечения конкретного преступления. Любое исключение из этого правила должно регламентироваться конкретными положениями национального законодательства <...>.

Принцип 3. Хранение информации

3.1. По мере возможности хранение информации личного характера для целей деятельности полиции должно ограничиваться точными данными и такими сведениями, которые необходимы для того, чтобы позволить органам полиции выполнять свои законные задачи в рамках национального законодательства и обязательства, вытекающие из международного права <...>.

Принцип 7. Длительность хранения и актуализация данных

7.1. Следует принимать меры к тому, чтобы информация личного характера, хранящаяся для целей деятельности полиции, удалялась, если в ней отпадает необходимость для целей ее хранения.

С этой целью принимаются во внимание, в частности, следующие критерии: необходимость хранения информации с учетом выводов расследования по конкретному делу; вступление в силу судебного решения, в частности оправда-

¹ Аллель — одна из двух или более альтернативных форм одного и того же индивидуального гена. Различные аллели определяют варианты развития различных характеристик для каждого генетического кода (*World Encyclopedia. Philip's, 2008. Oxford Reference Online. Oxford University Press*).

тельного приговора; реабилитация; отбывание назначенного судом наказания; амнистии; возраст субъекта информации; принадлежность информации к особым категориям».

43. В Рекомендации № R(92)1 об использовании анализа дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) в рамках производства по уголовным делам (принята 10 февраля 1992 г.) сказано, в частности, следующее:

«3. Использование образцов и извлеченной из них информации

Образцы, взятые для анализа ДНК, и информация, полученная в результате такого анализа с целью расследования преступлений и привлечения к ответственности за их совершение, не должны использоваться в иных целях <...>.

Использование образцов, взятых для анализа ДНК, и полученной таким образом информации может потребоваться в исследовательских и в статистических целях. Использование их в этих целях допустимо при условии, что нельзя будет установить личность человека, которому они принадлежат, поэтому необходимо заранее убрать имена и иные указания на личность донора.

4. Взятие образцов для анализа ДНК

Взятие образцов для анализа ДНК должно производиться лишь в обстоятельствах, определяемых национальным законодательством; в некоторых странах для этого может потребоваться конкретная санкция судебного органа <...>.

8. Хранение образцов и информации

Образцы или иные ткани человека, взятые у физических лиц для анализа ДНК, не должны храниться после вынесения окончательного решения по делу, в рамках которого они были использованы, если только это не требуется в целях, непосредственно связанных с целями их сбора.

Следует принимать меры по обеспечению того, что результаты анализа ДНК удаляются, как только отпадает необходимость хранить их для целей их использования. Тем не менее результаты анализа ДНК и полученная таким образом информация могут продолжать храниться, если человек, которому они принадлежат, был признан судом виновным в совершении тяжких преступлений против жизни, неприкосновенности и безопасности других лиц. В таких случаях национальное законодательство должно предусматривать строго определенные сроки их хранения.

Образцы и иные ткани человека или извлеченная из них информация могут храниться в течение более длительного срока:

- по просьбе лица, которому они принадлежат; или
- когда невозможно определить принадлежность образца конкретному человеку, например, когда этот образец был обнаружен на месте преступления;

Когда речь идет о государственной безопасности, национальное законодательство государства — члена Совета Европы может допускать хранение образцов, результатов анализа ДНК и полученной таким образом информации, даже если человеку, которому они принадлежат, не было предъявлено обвинение в совершении преступления или если ему не был вынесен обвинительный приговор. В таких случаях национальное законодательство должно предусматривать строго определенные сроки их хранения <...>».

44. В пояснительном докладе к рекомендации по поводу пункта 8 сказано следующее:

«47. Рабочей группе хорошо известно, что подготовка пункта 8 рекомендации является чувствительным вопросом, затрагивающим различные подлежащие защите интересы очень сложного характера. Необходимо соблюсти справедливое равновесие между этими интересами. И Европейская конвенция о защите прав человека, и Конвенция о защите данных предусматривают исключения для интересов пресечения преступлений и защиты прав и свобод третьих лиц. Однако эти исключения допускаются лишь постольку, поскольку они совместимы с тем, что необходимо в демократическом обществе <...>.

49. Поскольку важнейшей целью сбора образцов и проведения анализа ДНК на их основе является установление правонарушителей и реабилитация подозреваемых, эти данные должны удаляться, как только с человека снимаются все подозрения. Возникает вопрос: как долго могут храниться выводы, касающиеся ДНК, и образцы, на основе которых они были сделаны, если человек был признан виновным.

50. По общему правилу эти данные должны удаляться, когда отпадает необходимость в них для целей их сбора и использования. В общем случае это происходит, когда принимается окончательное решение по вопросу о виновности правонарушителя. Специальный экспертный комитет по биоэтике [САНВЛ] полагает, что в национальном законодательстве под “окончательным решением” обычно понимается решение суда. Тем не менее рабочая группа признаёт необходимость создания баз данных в определенных случаях и в отношении конкретных категорий правонарушений, настолько серьезных, что их можно считать обстоятельствами, требующими другого подхода. Рабочая группа пришла к этому выводу, тщательно проанализировав соответствующие положения Европейской конвенции о защите прав человека, Конвенции о защите данных и других нормативно-правовых актов, разработанных в рамках Совета Европы. Кроме того, рабочая группа приняла во внимание то, что все государства — члены Совета Европы хранят информацию о судимостях, которая может использоваться для достижения целей системы уголовного судопроизводства <...>. Она допускает, что такое исключение допускается при соблюдении некоторых строгих условий, а именно:

- если человеку был вынесен обвинительный приговор;
- если обвинительный приговор был вынесен в связи с совершением тяжкого преступления против жизни, целостности и неприкосновенности человека;
- срок хранения данных строго ограничен;
- хранение данных определяется и регламентируется законом;
- хранение данных подлежит контролю со стороны парламента или независимого органа <...>».

В. Законодательство и правоприменительная практика государств — членом Совета Европы

45. Согласно сведениям, предоставленным сторонами, и информации, которая поступила в Европейский Суд из других источников, в большинстве государств — членом Совета Европы допускается принудительное дактилоскопирование и взятие образцов клеток в рамках производства по уголовным делам. По крайней мере в 20 государствах — членах Совета Европы действуют законы, позволяющие брать информацию о ДНК и хранить ее в национальных базах дан-

ных или в других формах (Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия¹, Испания, Италия², Латвия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Финляндия, Франция, Чешская Республика, Швейцария, Швеция и Эстония), и число этих государств постоянно растет.

46. В большинстве этих стран (в том числе в Австрии, Бельгии, Венгрии, Германии, Ирландии, Испании, Италии, Люксембурге, Нидерландах, Норвегии, Польше, Финляндии, Франции и Швеции) в рамках производства по уголовным делам информация о ДНК берется не систематически, а лишь в некоторых конкретных обстоятельствах и (или) когда речь идет о наиболее тяжких преступлениях, в частности, преступлениях, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на определенный срок.

47. Соединенное Королевство является единственным государством — членом Совета Европы, где прямо допускается систематическое и бессрочное хранение профилей ДНК и образцов клеток лиц, которым были вынесены оправдательные приговоры, и лиц, в отношении которых производство по уголовному делу было прекращено. В пяти государствах (Бельгии, Венгрии, Ирландии, Италии и Швеции) требуется уничтожать такого рода сведения в силу служебных предписаний после оправдания лица или прекращения производства по возбужденному в отношении него уголовному делу. В десяти остальных государствах применяется то же общее правило с некоторыми исключениями, которые допускаются в очень редких случаях: в Германии, Люксембурге и Нидерландах такая информация может храниться в случае, когда в отношении лица остаются подозрения или если требуется проведение дополнительного расследования по отдельному делу; в Австрии допускается ее хранение, если существует опасность того, что подозреваемый совершит новое опасное преступление, а в Польше — когда речь идет о некоторых тяжких преступлениях; в Испании и Норвегии допускается хранение профилей ДНК, если подсудимый был оправдан, и суд признал, что подсудимый не должен нести уголовную ответственность; в Финляндии и Дании допускается хранение этой информации в течение одного года и 10 лет соответственно в случае вынесения оправдательного приговора, а в Швейцарии — в течение одного года с момента окончания производства по делу. Во Франции профили ДНК могут храниться в течение 25 лет после вынесения оправдательного приговора или прекращения уголовного преследования подозреваемого; в течение этого времени прокурор может распорядиться удалить их раньше — либо по своей собственной инициативе, либо по просьбе другого лица, — если отпала необходимость в их хранении для установления подозреваемого в связи с расследованием по уголовному делу. В Латвии и Эстонии также, по-видимому, разрешено хранение профилей ДНК подозреваемых в течение определенного времени с момента вынесения оправдательного приговора.

48. По общему правилу хранение профилей ДНК осужденных допускается в течение ограниченного срока после вынесения обвинительного приговора или после смерти осужденного. Таким образом, Соединенное Королевство, по-видимому, является единственным государством — членом Совета Европы, в котором допускается

систематическое и бессрочное хранение и профилей, и образцов ДНК осужденных.

49. В большинстве государств — членом Совета Европы предусмотрены механизмы обжалования решений о взятии образцов клеток либо о хранении образцов или профилей ДНК в контролирующие органы, специализирующиеся на защите информации, и (или) в судебном порядке.

С. Европейский союз

50. Директива № 95/46/ЕС от 24 октября 1995 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном перемещении таких данных предусматривает, что объектом национального законодательства об обработке персональных данных является, в частности, защита права на личную жизнь, которое признается и статьей 8 Европейской конвенции о защите прав человека, и общими принципами права Европейского союза. Директива предусматривает ряд принципов, которые уточняют и развивают положения, содержащиеся в Конвенции Совета Европы о защите данных. Она позволяет государствам-членам принимать законодательные меры для ограничения объема обязательств и прав, предусмотренных в Директиве, если такое ограничение является необходимым, в частности, для предотвращения, расследования, выявления преступлений и привлечения к ответственности за их совершение (статья 13).

51. Прюмская конвенция о расширении трансграничного сотрудничества, в частности, в борьбе с терроризмом, трансграничной преступностью и нелегальной миграцией, подписанная несколькими членами Европейского союза³ 27 мая 2005 г., устанавливает правила предоставления отпечатков пальцев и информации о ДНК другим Договаривающимся Государствам и их автоматизированной проверки по соответствующим базам данных этих государств. Данная конвенция предусматривает, в частности, следующее:

«Статья 35. Цель

2. <...> Договаривающаяся Сторона, осуществляющая управление досье, может обрабатывать переданную ей информацию <...> только в тех случаях, когда это необходимо в целях сопоставления, предоставления автоматического ответа на поисковый запрос или регистрации <...>. Сразу же после окончания сопоставления данных или получения автоматического ответа на поисковый запрос переданная информация удаляется, если только для достижения упомянутых [выше] целей не требуется ее дальнейшая обработка».

52. Статья 34 гарантирует уровень защиты персональных данных не ниже того, что предусмотрен Конвенцией о защите данных, и требует от Договаривающихся Сторон учитывать Рекомендацию Комитета министров Совета Европы № R (87) 15.

53. Рамочное решение Совета Европейского союза от 24 июня 2008 г. о защите персональных данных, обработка которых осуществляется в рамках сотрудничества полиции и судов по уголовным делам, предусматривает, в частности, следующее:

¹ В настоящее время законодательство и правоприменительная практика в Ирландии определяется Актом об уголовном судопроизводстве (о судебных доказательствах) 1990 года [*Criminal Justice (Forensic Evidence) Act*]. С целью расширения возможностей использования и хранения информации о ДНК в общенациональной базе данных правительство одобрило новый законопроект, однако пока он еще не утвержден Парламентом Ирландии.

² Советом министров и Сенатом Италии был утвержден декрет-закон от 30 октября 2007 г. о создании общенациональной базы данных по ДНК. Однако в конце концов срок действия этого декрета истек, и он не был официально переделан в закон, так как была обнаружена ошибка, допущенная при его составлении. Появление исправленной версии декрета ожидается в 2008 году.

³ Бельгией, Германией, Испанией, Францией, Люксембургом, Нидерландами и Австрией (*примечание редакции*).

**«Статья 5
Определение сроков удаления и проверки**

Для удаления персональных данных или для периодической проверки необходимости их хранения устанавливаются соответствующие сроки. Соблюдение этих сроков обеспечивается процессуальными мерами».

D. Судебная практика государств, не являющихся членами Совета Европы

54. В деле «R против RC» [R v. RC] [Сборник решений Верховного суда Канады [S.C.R.] за 2005 год, том 3, с. 99, 2005 SCC 61] Верховный суд Канады рассматривал вопрос о хранении в общенациональной базе данных образца ДНК несовершеннолетнего, впервые совершившего правонарушение. Верховный суд Канады оставил без изменения решение судьи, который рассматривал дело по существу. С учетом принципов и целей законодательства о производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних этот судья пришел к выводу, что воздействие, которое оказывает на несовершеннолетнего хранение информации о его ДНК, является совершенно несоразмерным. В своем заключении по делу судья Фиш отметил:

«Еще бóльшую озабоченность, однако, вызывает воздействие этого предписания на интересы, связанные с информационными аспектами частной жизни лица. В деле “R. против Планта” [R. v. Plant] (Сборник решений Верховного суда Канады [S.C.R.] за 1993 год, том 3, с. 281, на с. 293) Суд пришел к выводу, что статья 8 Канадской хартии прав и свобод защищает “биографические сведения личного характера, которые люди в свободном и демократическом обществе хотели бы защитить и оградить от ведома государства”. ДНК человека содержит “огромный объем информации о человеке и о его личной жизни” (решение Верховного суда Канады по делу «R. против S.A.B.» [R. v. S.A.B.] Сборник решений Верховного суда Канады [S.C.R.] за 2003 год, том 2 S.C.R., с. 678, § 48). В отличие от отпечатков пальцев, она может выдать самые сокровенные подробности биологического облика человека <...>. Взятие и хранение образца ДНК — это не маловажный вопрос и, при отсутствии убедительного общественного интереса, по сути, является серьезным вмешательством государства в осуществление субъектом права на его частную жизнь в личном и информационном отношении».

E. Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года

55. Статья 40 Конвенции ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. признает право каждого ребенка, который, как считается, нарушил уголовное законодательство, обвиняется или признается виновным в его нарушении, на такое обращение, которое способствует развитию у ребенка чувства достоинства и значимости, укрепляет в нем уважение к правам человека и основным свободам других и при котором учитывается возраст ребенка и желательность содействия его реинтеграции и выполнению им полезной роли в обществе.

IV. ДОВОДЫ, ИЗЛОЖЕННЫЕ ЕВРОПЕЙСКОМУ СУДУ ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ВСТУПИВШИМИ В ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛУ В КАЧЕСТВЕ ТРЕТЬЕЙ СТОРОНЫ

56. Национальный совет в защиту гражданских свобод (Совет свободы) представил судебную практику и научные материалы, подчеркивающие, в частности, чрезвычайно конфиденциальный характер образцов кле-

ток и профилей ДНК и негативное воздействие, которое оказывает их хранение властями на личную жизнь.

57. Организация «Прайвеси интернешнл» ссылается на базовые нормы и принципы в области защиты информации, выработанные Советом Европы, настаивая на том, что они имеют непосредственное отношение к толкованию требования соразмерности, предъявляемого статьей 8 Конвенции. Она подчеркивает, в частности, что Рекомендация № R (92) 1 предписывает устанавливать «строго определенные сроки» хранения образцов клеток и профилей ДНК. Далее, она обращает внимание на несоразмерное присутствие в общенациональной базе данных Соединенного Королевства по ДНК сведений об определенных категориях населения, в частности молодежи, и несправедливость, к которой это может привести. Кроме того, у нее вызывает озабоченность использование данных для установления родственных связей и для проведения дополнительных исследований. «Прайвеси интернешнл» представила также обзор сравнительных данных о законодательстве и правоприменительной практике различных стран, касающихся хранения ДНК, особо указывая на многочисленные ограничения и гарантии, которые при этом должны соблюдаться.

ВОПРОСЫ ПРАВА

1. О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

58. Заявители — со ссылкой на статью 8 Конвенции — обжалуют в Европейский Суд хранение их отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей ДНК согласно пункту 1А статьи 64 Акта о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 года. В части, имеющей отношение к этому пункту жалобы заявителей, статья 8 Конвенции предусматривает следующее:

- «1. Каждый имеет право на уважение его личной <...> жизни <...>.
- 2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе <...> в целях предотвращения беспорядков или преступлений <...>».

A. По вопросу о наличии вмешательства государства в личную жизнь заявителей

59. Прежде всего Европейский Суд рассмотрит вопрос о том, является ли хранение властями государства отпечатков пальцев заявителей, образцов их клеток и профилей ДНК вмешательством государства в их личную жизнь.

1. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

(а) Доводы, представленные Европейскому Суду заявителями

60. Заявители утверждают, что хранение их отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей ДНК представляет собой вмешательство государства в осуществление права на уважение их личной жизни, так как эти данные неразрывно связаны с их самоидентификацией и содержат информацию личного характера, которую они вправе держать под своим контролем. Они напоминают, что первоначальное взятие такого рода биологической информации всегда поднимало

вопросы, которые охватываются статьей 8 Конвенции, и утверждают, что их хранение вызывает еще больше споров, учитывая ценность информации личного характера, постоянный доступ к которой получают другие лица и то, что из-за этого она выходит из-под контроля лица, которого она касается. Заявители подчеркивают, в частности, что хранение информации личного характера о детях влечет за собой их социальную стигматизацию и негативные последствия для их психики; из-за этого, по их мнению, вмешательство государства в осуществление права на личную жизнь в отношении первого заявителя становится еще серьезнее.

61. По их мнению, этот довод подтверждается практикой конвенционных органов, а также недавно принятым решением Информационного суда Соединенного Королевства (решение от 12 октября 2005 г. по делу «Начальники полиции Западного Йоркшира, Южного Йоркшира и Северного Уэльса против Уполномоченного по вопросам информации» [*Chief Constables of West Yorkshire, South Yorkshire and North Wales Police v. the Information Commissioner*] (Сборник решений Информационного суда Соединенного Королевства за 2005 год, № 2005 0010, с. 173). В основе этого последнего решения лежало выступление баронессы Хэйл Ричмондской в Палате лордов (см. выше, пункт 25 настоящего постановления); по сути, оно повторяло сделанный баронессой Хэйл Ричмондской вывод при разрешении аналогичного вопроса о применимости статьи 8 Конвенции к хранению информации об обвинительных приговорах.

62. Далее, заявители подчеркивают, что хранение образцов клеток влечет за собой еще более серьезное вмешательство государства в осуществление прав, гарантируемых статьей 8 Конвенции, так как они содержат полную генетическую информацию о человеке, в том числе генетическую информацию о его родственниках. Не имеет значения, была ли эта информация на самом деле получена из образцов или ухудшила ли она положение подозреваемого по какому-нибудь конкретному делу, так как человек вправе иметь гарантии того, что такого рода информация, которая является неотъемлемой частью его самого, не станет общедоступной, что она не будет никому сообщена и что никто не получит к ней доступ без его разрешения.

(b) Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

63. Государство-ответчик признаёт, что отпечатки пальцев, профили и образцы ДНК являются «информацией личного характера» по смыслу положений Акта о защите информации и что те, кто осуществляет ее обработку, могут установить личность человека. Тем не менее государство-ответчик полагает, что право на уважение личной жизни, которое гарантируется пунктом 1 статьи 8 Конвенции, не распространяется на простое хранение отпечатков пальцев, профилей и образцов ДНК, при условии, что их использование ограничено целями, являющимися допустимыми с точки зрения статьи 64 Акта 1984 года. В отличие от первоначального взятия этих данных, их хранение не нарушает физической и психологической неприкосновенности личности; не нарушает оно и право на личностное развитие, право устанавливать и развивать отношения с другими людьми и право на самоопределение.

64. Государство-ответчик полагает, что на самом деле озабоченность заявителей связана с опасениями относительно использования хранящихся образцов в будущем, появления новых методов анализа данных о ДНК и потенциального вмешательства государства в личную жизнь путем активного наблюдения. В связи с этим государство-ответчик под-

черкивает, что допустимые способы использования этих материалов ясно и недвусмысленно ограничены законодательством, технологическим процессом изготовления профилей ДНК и характером полученного профиля ДНК.

65. Профиль ДНК — это всего лишь последовательность чисел, позволяющая установить человека по образцам его клеток; профиль не содержит никакой информации о человеке или о его личностных особенностях, хранение которой может привести к вмешательству в его личную жизнь. База данных по ДНК — это совокупность таких профилей, по которой может осуществляться поиск с использованием материалов, взятых на месте преступления. Человек будет установлен лишь в том случае и лишь постольку, поскольку взятый у него образец совпадет с этими материалами. Установление родственных связей на основании частичного совпадения материалов осуществляется лишь в очень редких случаях и под строгим контролем. Отпечатки пальцев, профили и образцы ДНК не подлежат никакому субъективному комментированию и не дают никакой информации о деятельности человека. Таким образом, отсутствует всякая опасность того, что хранение этих данных негативно отразится на восприятии этого человека другими людьми или на его репутации. Даже если их хранение и попадает под действие пункта 1 статьи 8 Конвенции, любые его возможные негативные последствия крайне незначительны. Поэтому следует прийти к выводу, что хранение этих данных недостаточно серьезно, чтобы являться вмешательством в осуществление конвенционных прав.

2. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

(a) Общие принципы

66. Европейский Суд напоминает, что «личная жизнь» — широкое понятие, которому невозможно дать исчерпывающее определение. Оно охватывает физическую и психологическую неприкосновенность личности (см. постановление Европейского Суда по делу «Претти против Соединенного Королевства» [*Pretty v. the United Kingdom*] (жалоба № 2346/02), § 61, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2002-III, а также постановление Европейского Суда по делу «Y.F. против Турции» [*Y.F. v. Turkey*] (жалоба № 24209/94), § 33, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2003-IX). Поэтому оно может включать в себя многочисленные аспекты физической и социальной самоидентификации человека (см. постановление Европейского Суда по делу «Микулич против Хорватии» [*Mikulić v. Croatia*] (жалоба № 53176/99), § 53, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2002-I). Такие элементы, как, например, причисление себя к тому или иному полу, имя, а также сексуальная ориентация и половая жизнь, попадают в личную сферу, охраняемую статьей 8 Конвенции (см. в числе прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда по делу «Бенсэд против Соединенного Королевства» [*Bensaid v. the United Kingdom*] (жалоба № 44599/98), Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-I, в котором содержатся отсылки к другим постановлениям Европейского Суда по данному вопросу, а также постановление Европейского Суда по делу «Пек против Соединенного Королевства» [*Peck v. the United Kingdom*] (жалоба № 44647/98), § 57, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2003-I). Помимо имени человека, его личная и семейная жизнь может включать себя иные

средства самоидентификации личности и поддержания связей с семьей (см., *mutatis mutandis*¹, постановление Европейского Суда от 22 февраля 1994 г. по делу «Бургхартц против Швейцарии» [*Burghartz v. Switzerland*], § 24, серия «А», № 280-В; а также постановление Европейского Суда по делу «Юнал Текэли против Турции» [*Ünal Tekeli v. Turkey*] (жалоба № 29865/96), § 42, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2004-X (приводится в выдержках)). Важным элементом личной жизни может быть информация о состоянии здоровья человека (см. постановление Европейского Суда от 25 февраля 1997 г. по делу «Z. против Финляндии» [*Z. v. Finland*], § 71, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1997-I). Кроме того, Суд полагает, что национальная принадлежность человека тоже должна считаться частью его личной жизни (см., в частности, статью 6 Конвенции о защите данных, которая цитировалась выше, в пункте 41 настоящего постановления; в ней персональные данные, касающиеся национальной принадлежности субъекта, отнесены к особым категориям данных наряду с иной конфиденциальной информацией о человеке). Помимо этого, статья 8 Конвенции защищает право человека на личностное развитие, а также его право устанавливать и развивать отношения с другими людьми и с внешним миром (см., например, мнение Комиссии по правам человека по упомянутому выше делу «Бургхартц против Швейцарии», с. 37, § 47, а также мнение Комиссии по правам человека по делу «Фридль против Австрии» [*Friedl v. Austria*], постановление Европейского Суда по правам человека от 31 января 1995 г., серия «А», № 305-В, с. 20, § 45). Более того, понятие личной жизни включает в себя элементы, относящиеся к праву человека на свое изображение (постановление Европейского Суда по делу «Шаккья против Италии» [*Sciacca v. Italy*] (жалоба № 50774/99), § 29, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2005-I).

67. Простое хранение информации, относящейся к личной жизни лица, является вмешательством государства в осуществление его прав по смыслу положений статьи 8 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 27 марта 1987 г. по делу «Леандер против Швеции» [*Leander v. Sweden*], § 48, серия «А», № 116). В связи с этим неважно, каким образом хранящаяся информация используется в дальнейшем (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аманн против Швейцарии» [*Amann v. Switzerland*] (жалоба № 27798/95), § 69, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-II). Тем не менее, отвечая на вопрос о том, затрагивают ли хранимые властями персональные данные какие-то стороны личной жизни человека, Европейский Суд уделит должное внимание особому контексту, в котором осуществляется учет и хранение этой информации, ее характеру, методам ее использования и обработки и результатам, которые могут быть при этом получены (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Фридль против Австрии», § 49—51, а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Пек против Соединенного Королевства», § 59).

(b) Применение этих принципов в настоящем деле

68. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что все три категории информации личного характера, которая хранится властями в настоящем деле, а именно отпе-

чатки пальцев, профили ДНК и образцы клеток, являются персональными данными по смыслу положений Конвенции о защите данных, так как они относятся к установленным лицам или к лицам, которые могут быть установлены. Государство-ответчик согласно с тем, что все три категории данных являются «информацией личного характера» по смыслу положений Акта о защите информации 1998 года и что те, кто осуществляет ее обработку, могут установить личность человека.

69. Конвенционные органы уже рассматривали вопросы, касающиеся хранения властями таких персональных данных в рамках производства по уголовным делам. Исходя из характера и объема информации, содержащейся в каждой из этих трех категорий данных, Европейский Суд ранее провел различие между хранением отпечатков пальцев и хранением образцов клеток и профилей ДНК ввиду более высокого потенциала последующего использования информации личного характера, содержащейся в двух последних категориях данных (см. решение Европейского Суда от 7 декабря 2006 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 29514/05, поданной Ван дер Вельденом [*Van der Velden*] против Нидерландов, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2006 — ...). Суд считает целесообразным отдельно рассмотреть вопрос о вмешательстве государства в осуществление права заявителей на уважение их личной жизни вследствие хранения образцов их клеток и профилей ДНК, с одной стороны, и вследствие хранения их отпечатков пальцев, с другой стороны.

(i) Хранение образцов клеток и профилей ДНК

70. В деле «Ван дер Велден против Нидерландов» Европейский Суд пришел к выводу, что с учетом возможно последующего использования, в частности, образцов клеток, их систематическое хранение достаточно сильно затрагивает интересы человека и может повлечь за собой вмешательство государства в осуществление права на уважение его личной жизни (см. упомянутое выше решение Европейского Суда по жалобе Ван дер Вельдена против Нидерландов). Государство-ответчик критикует этот вывод, утверждая, что он основывается на предположениях относительно того, как эти образцы теоретически могут быть использованы в будущем и что прямо сейчас всякое такое вмешательство государства отсутствует.

71. Европейский Суд считает опасения человека относительно возможного последующего использования хранимой властями информации личного характера правомерными и полагает, что они должны учитываться при разрешении вопроса о наличии вмешательства государства в осуществление конвенционных прав. Действительно, принимая во внимание высокие темпы развития генетики и информационных технологий, Суд не может исключить вероятность того, что в будущем станут возможными посягательства государства на личную жизнь путем использования генетической информации как-то по-новому или такими способами, которые сегодня нельзя с точностью предсказать. Соответственно, Суд не видит достаточных оснований отступить от вывода, к которому он пришел в деле по жалобе Ван дер Вельдена против Нидерландов.

72. Однако правомерная озабоченность возможным последующим использованием образцов клеток — не единственный фактор, который следует принимать во внимание при поиске ответа на рассматриваемый вопрос. Помимо сугубо личного характера образцов клеток, Европейский Суд отмечает и то, что в них содержится

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

много конфиденциальной информации о человеке, в том числе о состоянии его здоровья. Кроме того, образцы ДНК содержат уникальный генетический код, крайне важный и для самого человека, и для его родственников. В этом отношении Суд согласен с мнением, высказанным баронессой Хэйл в Палате лордов (см. выше, пункт 25 настоящего постановления).

73. Учитывая характер и объем информации личного характера, которая содержится в образцах клеток, их хранение должно само по себе считаться вмешательством государства в осуществление человеком права на уважение его личной жизни. В связи с этим не имеет значения, что в действительности из них извлекается или используется властями для создания профиля ДНК лишь ограниченная часть этой информации и что в каком-то конкретном случае не произошло немедленного ухудшения положения человека (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аманн против Швейцарии», § 69).

74. По поводу самих профилей ДНК Европейский Суд отмечает, что в них содержится более ограниченный объем информации личного характера, извлеченной из образцов клеток в закодированной форме. Государство-ответчик утверждает, что профиль ДНК — это не более чем последовательность чисел или штрих-код, содержащий только сведения объективного и неопровержимого характера, и что установление человека происходит лишь в случае совпадения данных о нем с другим профилем, содержащимся в базе данных. Кроме того, оно отмечает, что, поскольку информация закодирована, ее невозможно понять без использования компьютерной техники, а интерпретировать эту информацию может лишь ограниченное число людей.

75. Тем не менее Европейский Суд отмечает, что в профилях ДНК присутствует значительное количество уникальных сведений личного характера. И если содержащаяся в них информация может считаться объективной и неопровержимой в том смысле, как эти качества понимает государство-ответчик, ее автоматизированная обработка позволяет властям выходить далеко за рамки нейтрального установления личности. В этом отношении Суд отмечает: государство-ответчик признаёт, что профили ДНК могут использоваться и в некоторых случаях действительно используются для установления родственных связей с целью выявить возможные генетические отношения между субъектами. Кроме того, оно признаёт чрезвычайно чувствительный характер такого рода исследований и необходимость проводить их под строгим контролем. По мнению Суда, поскольку профили ДНК предоставляют средства для установления генетических связей между людьми (см. выше, пункт 39 настоящего постановления), это само по себе достаточно для вывода о том, что их хранение представляет собой вмешательство государства в осуществление этими людьми права на их личную жизнь. В связи с этим не имеют значения периодичность, с которой происходит установление родственных связей, гарантии, которыми оно сопровождается, и вероятность ухудшения положения лица в каком-либо конкретном случае (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аманн против Швейцарии», § 69). Аналогичным образом, этот вывод не меняется от того, что информация, о которой идет речь, закодирована и ее невозможно понять без использования компьютерной техники, а интерпретировать ее может лишь ограниченное число людей.

76. Далее, Европейский Суд отмечает: государство-ответчик не оспаривает, что обработка профилей ДНК

позволяет властям оценить вероятную национальную принадлежность донора и что подобные методы действительно используются полицией при проведении расследований (см. выше, пункт 40 настоящего постановления). Из-за того, что на основе профилей ДНК можно делать предположения о национальности донора, их хранение становится тем более чувствительным и способно негативно воздействовать на осуществление человеком права на личную жизнь. Этот вывод не противоречит принципу, установленному Конвенцией о защите данных и отраженному в Акте о защите информации, так как оба этих нормативных правовых акта относят информацию личного характера, указывающую на национальную принадлежность донора, к особым категориям конфиденциальной информации, требующей усиленной защиты (см. выше, пункты 30—31 и 41 настоящего постановления).

77. С учетом вышеизложенного Европейский Суд приходит к выводу, что хранение и образцов клеток, и профилей ДНК свидетельствует о вмешательстве государства в осуществление права заявителей на уважение их личной жизни по смыслу положений пункта 1 статьи 8 Конвенции.

(ii) Хранение отпечатков пальцев

78. Конечно, отпечатки пальцев содержат меньше информации, чем образцы клеток или профили ДНК. Вопрос о предполагаемом вмешательстве государства в осуществление права на уважение личной жизни из-за хранения властями отпечатков пальцев уже рассматривался конвенционными органами.

79. В деле «Маквей, О'Нейл и Эванс против Соединенного Королевства» Комиссия по правам человека впервые рассмотрела проблему взятия и хранения отпечатков пальцев в ходе проведения ряда оперативных следственных мероприятий. Комиссия согласилась с тем, что по крайней мере некоторые из этих мероприятий свидетельствуют о вмешательстве государства в личную жизнь заявителей, оставив открытым вопрос о том, является ли таким вмешательством хранение отпечатков пальцев само по себе («Маквей, О'Нейл и Эванс против Соединенного Королевства» [McVeigh, O'Neill and Evans v. the United Kingdom] (жалобы № 8022/77, № 8025/77 и № 8027/77, доклад Комиссии по правам человека от 18 марта 1981 г., Сборник решений и докладов Европейской комиссии по правам человека [DR] 25, с. 15, § 224)).

80. В деле «Киннунен против Финляндии» Комиссия по правам человека пришла к выводу, что хранение отпечатков пальцев и фотографий после задержания заявителя не являлось вмешательством государства в его личную жизнь, так как они не содержали никаких субъективных оценок, требующих опровержения. Комиссия, однако, отметила, что через девять лет эта информация была уничтожена по просьбе заявителя (решение Комиссии по правам человека от 15 мая 1996 г. по делу «Киннунен против Финляндии» [Kinnunen v. Finland] (жалоба № 24950/94)).

81. Принимая во внимание эти выводы и вопросы, которые поднимает настоящее дело, Европейский Суд считает целесообразным вновь рассмотреть эту проблему. Вначале Суд отмечает, что отпечатки пальцев заявителей являются информацией личного характера (см. выше, пункт 68 настоящего постановления) и имеют некоторые внешние особенности, позволяющие установить человека, которому они принадлежат, так же как, например, личные фотографии или образцы голоса.

82. По делу «Фридль против Австрии» Комиссия по правам человека пришла к выводу, что хранение ано-

нимных фотографий, сделанных в ходе демонстрации, не является вмешательством государства в осуществление права на уважение личной жизни. Принимая такое решение, Комиссия уделила особое внимание тому, что эти фотографии не были введены ни в какую систему обработки данных и что власти государства-ответчика не приняли никаких мер по установлению изображенных на них лиц с помощью обработки данных (см. упомянутое выше дело «Фридль против Австрии», § 49—51).

83. В деле «P.G. и J.H. против Соединенного Королевства» Европейский Суд пришел к выводу, что учет информации и систематический или постоянный характер такого учета могут дать основания предполагать вмешательство государства в личную жизнь, даже несмотря на то, что эти данные могут содержаться в общедоступных или иных источниках. Суд отметил, что запись голоса человека на постоянной основе для дальнейшего анализа в совокупности с иными сведениями личного характера, несомненно, облегчает установление этого человека. Соответственно, Суд счел запись голоса заявителей для такого дальнейшего анализа вмешательством государства в осуществление права на уважение их личной жизни (см. постановление Европейского Суда по делу «P.G. и J.H. против Соединенного Королевства» [*P.G. and J.H. v. the United Kingdom*] (жалоба № 44787/98), § 59—60, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*ECHR*] 2001-IX).

84. Европейский Суд придерживается того мнения, что общий подход, который конвенционные органы избрали в отношении фотографий и записи голоса, должен применяться и в отношении отпечатков пальцев. Государство-ответчик предлагает выделить отпечатки пальцев в отдельную категорию, утверждая, что они содержат нейтральные, объективные и неопровержимые данные, которые, в отличие от фотографий, нельзя понять без специальной подготовки, если нет отпечатков пальцев, с которыми их можно было бы сравнить. Конечно, всё это верно, но отпечатки пальцев объективно содержат некоторую уникальную информацию о человеке, которому они принадлежат, и в ряде случаев позволяют точно установить его личность. Таким образом, это может негативно отразиться на его личной жизни, а хранение этой информации без согласия лица, которому она принадлежит, нельзя назвать нейтральным или незначительным.

85. Соответственно, Европейский Суд полагает, что хранение властями отпечатков пальцев установленного лица или лица, которое может быть установлено, несмотря на их объективный и неопровержимый характер, может само по себе вызвать существенные опасения по поводу неприкосновенности личной жизни.

86. Далее, Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле отпечатки пальцев заявителей сначала были взяты в ходе производства по уголовному делу, а потом внесены в общенациональную базу данных для постоянного хранения и регулярной автоматизированной обработки с целью установления лиц, совершивших правонарушение. В связи с этим Суд допускает, что с учетом содержащейся в образцах клеток и профилях ДНК информации их хранение оказывает более существенное влияние на личную жизнь, чем хранение отпечатков пальцев. Тем не менее Суд согласен с баронессой Хэйл (см. выше, пункт 25 настоящего постановления) и полагает, что хранение отпечатков пальцев является вмешательством государства в осуществление права на уважение личной жизни, хотя для разрешения вопроса о его оправданности может потребоваться разграничивать взятие, использование и хранение отпечатков пальцев, с одной стороны, и образцов и профилей ДНК, с другой стороны.

В. По вопросу об оправданности вмешательства государства в личную жизнь заявителей

1. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

(а) Доводы, представленные Европейскому Суду заявителями

87. Заявители утверждают, что хранение их отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей ДНК не является оправданным с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции. Государство-ответчик располагает очень большой свободой действий при использовании образцов и профилей ДНК, в частности, в «целях, имеющих отношение к предотвращению и выявлению преступлений», «расследованию преступлений» или к «осуществлению уголовного преследования». Эти цели неопределенны и оставляют место для злоупотреблений, так как они могут привести, например, к сбору подробной информации личного характера вне прямой связи с расследованием какого-либо конкретного преступления. Далее, заявители считают недостаточными существующие процессуальные гарантии того, что информация, о которой идет речь, будет использоваться надлежащим образом и без каких-либо злоупотреблений. К сведениям, содержащимся в общенациональной полицейской базе данных, может получить доступ не только полиция, но и еще 56 полицейских организаций, в том числе государственные органы и административные службы, группы частных компаний, такие как «Бритиш телеком» и Ассоциация британских страховых обществ, и даже некоторые работодатели. Кроме того, общенациональная полицейская база данных связана с общеевропейской Шенгенской информационной системой. Поэтому в случае с заявителями речь идет об очень существенном и заслуживающем порицания вмешательстве государства в осуществление права на их личную жизнь. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в Соединенном Королевстве вокруг этого вопроса не утихают споры, и по нему высказывается множество различных точек зрения. Заявители отвергают предположение государства-ответчика и приходят к выводу, что вопросы хранения материалов, о которых идет речь в настоящем деле, вызывают у людей серьезную озабоченность, и государство в этой сфере пользуется лишь небольшой свободой усмотрения.

88. Заявители утверждают, что хранение отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей ДНК лиц, которым были вынесены оправдательные приговоры, не может считаться «необходимым в демократическом обществе» в целях предотвращения преступлений. В частности, абсолютно ничем не оправдано хранение образцов клеток после того, как на их основе был сформирован профиль ДНК. Не было приведено убедительных свидетельств эффективности хранения профилей ДНК, поскольку не было доказано, что большое количество совпадений сведений о ДНК, на что ссылается государство-ответчик, действительно привело к привлечению виновных к ответственности. Аналогичным образом, в большей части конкретных ситуаций, которые описывало государство-ответчик, привлечь виновных к ответственности позволило отнюдь не хранение информации в базах данных, а в некоторых других ситуациях этого же результата можно было бы достичь путем хранения меньших объемов информации в течение менее продолжительного срока.

89. Далее, заявители утверждают, что хранение касающейся их информации является несоразмерной мерой государства, так как оно не предусматривает никаких оговорок и

имеет бессрочный характер. Не учитывается ни характер совершенных правонарушений, ни обстоятельства, в которых оказались заявители. Кроме того, решение о том, хранить эти данные или нет, не принимается независимым органом и не подлежит контролю со стороны независимого органа. Далее, заявители считают, что режим хранения информации, о которой идет речь, не отвечает требованиям Совета Европы в данной области. Наконец, заявители подчеркивают, что хранение этой информации заставляет подозревать в совершении преступлений тех, кому были вынесены оправдательные приговоры, или тех, с кого были сняты все обвинения, предполагая, таким образом, что они не полностью невиновны. Поэтому хранение информации о человеке ведет к его социальной стигматизации. Наибольший ущерб это наносит детям, как, например, S., а также лицам, принадлежащим к определенным этническим группам, сведения о которых представлены в базе данных чересчур широко.

(b) Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

90. По мнению государства-ответчика, даже если предположить, что хранение отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей ДНК заявителей является вмешательством государства в их личную жизнь, оно является оправданным с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции. Оно предусмотрено законом, в частности статьей 64 Акта 1984 года, которая подробно описывает полномочия и ограничения, связанные со снятием отпечатков пальцев и взятием образцов ДНК, и ясно устанавливает, что они будут храниться властями независимо от того, чем закончится производство по делу, в рамках которого они были получены. Кроме того, в любом случае осуществление дискреционных полномочий по хранению отпечатков пальцев и образцов ДНК происходит в соответствии с обычными принципами, регулирующими порядок реализации таких полномочий, и подлежит судебному контролю.

91. Далее, государство-ответчик заявляет, что вмешательство государства, о котором идет речь, было необходимым и соразмерным с точки зрения достижения правомерной цели, заключающейся в предотвращении беспорядков или преступлений и (или) защите прав и свобод других лиц. Для общества в целом крайне важно, чтобы правоохранительные органы в полной мере использовали современные технологии и достижения криминалистической техники в целях предупреждения, расследования и выявления преступлений. Государство-ответчик утверждает, что хранящиеся материалы неопределимы с точки зрения борьбы с преступностью и терроризмом и установления виновных, представив в качестве доказательства статистические данные. Государство-ответчик подчеркивает, что хранение отпечатков пальцев и образцов ДНК дает огромные преимущества в ходе производства по уголовным делам, позволяя не только установить виновных, но и снять все обвинения с невиновных, а также предотвратить и исправить судебные ошибки.

92. По состоянию на 30 сентября 2005 г. общенациональная база данных по ДНК содержала 181 тысячу профилей ДНК физических лиц, которые до внесения изменений в законодательство в 2001 году имели бы право на то, чтобы эти данные были уничтожены. Впоследствии была установлена связь сведений о 8 тысячах 251 человеке из их числа с материалами, взятыми на месте преступления. Речь идет о 13 тысячах 79 преступлениях, в том числе 109 убийствах, 55 покушениях на убийство, 116 изнасилованиях, 67 преступлениях сексуального характера, 105 кражах, совершенных при отягчающих обстоятельствах, и 126 преступлениях, связанных с поставкой запрещенных к обороту наркотических веществ.

93. Кроме того, государство-ответчик привело восемнадцать конкретных примеров, когда использование информации о ДНК привело к тому, что следствие и уголовное преследование завершились вынесением обвинительных приговоров. В десяти из этих случаев профили ДНК подозреваемых совпали с несколькими образцами, которые ранее были взяты на месте совершения других преступлений, не имевших отношения к расследованию, и хранились в базе данных, что позволило привлечь этих подозреваемых к ответственности за ранее совершенные преступления. Еще в одном случае следствие утратило интерес к двум людям, арестованным за изнасилование, так как их профили ДНК не совпали с образцами, взятыми на месте преступления. В двух других случаях хранение профилей ДНК лиц, признанных виновными в совершении некоторых незначительных преступлений (нарушение общественного порядка и кражи), позволило установить их причастность к другим преступлениям, совершенным позднее. Еще в одном случае хранение профиля ДНК подозреваемого после предположительно совершенного им нарушения иммиграционного законодательства помогло осуществить его экстрадицию в Соединенное Королевство год спустя, когда один из потерпевших опознал в нем человека, совершившего изнасилование и убийство. Наконец, еще в четырех случаях спустя максимум два года выяснилось, что профили ДНК, взятые у четырех человек, подозреваемых, но не признанных виновными в совершении преступлений (владение оружием, которое могло быть использовано для нападения, нарушение общественного порядка, совершенное с применением насилия, словесные оскорбления и угрозы действием), совпали с образцами, взятыми на месте преступления у изнасилованных женщины.

94. Государство-ответчик заявляет, что хранение отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей ДНК нельзя считать чрезмерной мерой властей, так как эти материалы хранятся в определенных, ограниченных и указанных в законе целях, в полной безопасности и при соблюдении указанных гарантий. Их хранение вовсе не означает, что есть основания подозревать заявителей в причастности к совершению каких-либо преступлений или в склонности к их совершению; оно направлено на консервацию сведений о предположительно совершенных ранее преступлениях, в связи с которыми уже было проведено расследование. Учет этой информации ведется потому, что полиция уже на законных основаниях ей владеет, и ее хранение будет в будущем способствовать предотвращению и выявлению вообще любых правонарушений благодаря увеличению объема базы данных. Хранение информации о человеке не влечет за собой его социальную стигматизацию или каких-либо практических последствий для заявителей, если только хранящиеся материалы не совпадут с образцами, взятыми на месте преступления. Таким образом, соблюдено справедливое равновесие между правами конкретного человека и общими социальными интересами, а государство-ответчик не вышло за рамки допустимой свободы усмотрения.

2. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

(a) Было ли вмешательство государства в личную жизнь заявителей предусмотрено законом

95. Европейский Суд напоминает свою устоявшуюся прецедентную практику, согласно которой формулировка «предусмотрено законом» требует, чтобы оспариваемая по делу мера имела какие-то основания в национальном законодательстве и соответствовала принципу верховенства права, который прямо упоминается в преамбуле Конвенции и неразрывно связан с объектом и целью статьи 8 Конвенции. Таким

образом, закон должен быть в достаточной степени доступен и предсказуем, то есть он должен быть сформулирован достаточно четко, чтобы человек мог, в случае необходимости получив соответствующую консультацию, регулировать свое поведение. Для того чтобы национальное законодательство удовлетворяло этим требованиям, оно должно обеспечивать достаточную правовую защиту от произвола и, соответственно, достаточно ясно определять объем свободы усмотрения, предоставляемой компетентным органам власти, и порядок ее осуществления (см. постановление Европейского Суда от 2 августа 1984 г. по делу «Мэлоун против Соединенного Королевства» [*Malone v. the United Kingdom*], § 66—68, серия «А», № 82; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии» [*Rotaru v. Romania*] (жалоба № 28341/95), § 55, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-V; а также упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аманн против Швейцарии», § 56).

96. Требуемый уровень конкретизации положений национального законодательства, — а оно в любом случае не может предусмотреть все возможные ситуации, — в значительной степени зависит от содержания соответствующего нормативно-правового акта, предполагаемой сферы его охвата, а также от количества и статуса тех, кому он адресован (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» [*Hasan and Chaush v. Bulgaria*] (жалоба № 30985/96), § 84, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-XI, в котором содержатся отсылки к другим постановлениям Европейского Суда по данному вопросу).

97. Европейский Суд отмечает: статья 64 Акта 1984 года предусматривает, что отпечатки пальцев или образцы, взятые у человека в связи с расследованием по уголовному делу, могут храниться после того, как они были использованы для достижения целей, ради которых они были взяты (см. выше, пункт 27). Суд согласен с государством-ответчиком в том, что хранение отпечатков пальцев и информации о ДНК заявителей имеет четкие основания в национальном праве. Кроме того, существуют ясные доказательства, что на практике эти данные действительно сохраняются, если не считать исключительных случаев. От того, что старшие сотрудники полиции в этих редких случаях имеют право уничтожать их, закон не становится недостаточно определенным с точки зрения Конвенции.

98. Однако в том, что касается условий и правил хранения и использования этой информации личного характера, статья 64 Акта 1984 года значительно менее определена. Она предусматривает, что хранящиеся образцы и отпечатки пальцев не должны никем использоваться иначе как в целях, имеющих отношение к предотвращению или выявлению преступлений, к расследованию преступлений или к осуществлению уголовного преследования.

99. Европейский Суд согласен с заявителями в том, что по крайней мере первая из названных целей сформулирована скорее в общих выражениях и допускает множество различных толкований. Суд вновь заявляет, что в этом контексте, как и в контексте прослушивания телефонных разговоров, негласного наблюдения и скрытого сбора данных, крайне важно установить ясные и подробные правила, устанавливающие объем и порядок применения указанных мер, а также минимальные требования, касающиеся, в частности, длительности, хранения, использования соответствующей информации, доступа к ней третьих лиц, мер по сохранению неприкосновенности и конфиденциальности информации и порядка ее уничтожения — это дает достаточные гарантии от злоупотреблений

и произвола властей (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 24 апреля 1990 г. по делу «Круслен против Франции» [*Kruslin v. France*], § 33 и § 35, серия «А», № 176-A; упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии», § 57—59; решение Европейского Суда от 29 июня 2006 г. по вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы № 54934/00, поданной Вебер и Саравия [*Weber and Saravia*] против Германии (Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2006 — ...; постановление Европейского Суда от 28 июня 2007 г. по делу «Объединение “Ассоциация европейской интеграции и прав человека” и Екимджиев против Болгарии» [*Association for European Integration and Human Rights and Ekimdzhev v. Bulgaria*] (жалоба № 62540/00), § 75—77; постановление Европейского Суда от 1 июля 2008 г. по делу «Организация “Совет свободы” и другие заявители против Соединенного Королевства» [*Liberty and Others v. the United Kingdom*] (жалоба № 58243/00), § 62—63). Тем не менее Суд отмечает, что в настоящем деле эти проблемы тесно связаны с более широким вопросом о необходимости вмешательства государства в личную жизнь заявителей в демократическом обществе. С учетом того, как этот вопрос рассматривается ниже, в пунктах 105—126 настоящего постановления, Суд считает необязательным определять, удовлетворяет ли формулировка статьи 64 требованиям «качества закона» по смыслу положений пункта 2 статьи 8 Конвенции.

(b) Преследовало ли вмешательство государства в личную жизнь заявителей правомерную цель

100. Европейский Суд согласен с государством-ответчиком в том, что хранение отпечатков пальцев и информации о ДНК преследует правомерную цель, заключающуюся в выявлении и, следовательно, в предотвращении преступлений. В то время как первоначальное взятие этой информации производится с целью установить причастность конкретного человека к конкретному преступлению, в совершении которого он подозревается, ее хранение преследует более широкую цель — способствовать установлению будущих правонарушителей.

(c) Было ли вмешательство государства в личную жизнь заявителей необходимо в демократическом обществе

(i) Общие принципы

101. Вмешательство государства в осуществление прав человека считается «необходимым в демократическом обществе» для достижения правомерной цели, если оно отвечает «настоятельной социальной потребности» и, в частности, соразмерно преследуемой правомерной цели и если основания, на которые ссылаются национальные органы власти, являются «соответствующими и достаточными». Хотя первоначальная оценка всех этих вопросов производится национальными властями, окончательное определение необходимости вмешательства подлежит контролю со стороны Европейского Суда на предмет его соответствия требованиям Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 18 января 2001 г. по делу «Костер против Соединенного Королевства» [*Coster v. the United Kingdom*] (жалоба № 24876/94), § 104, в котором содержатся отсылки к другим постановлениям Европейского Суда по данному вопросу).

102. При проведении такой оценки компетентным национальным органам власти должна предоставляться некоторая

свобода усмотрения. Объем этой свободы не является постоянным и зависит от множества факторов, в том числе от характера конвенционного права, о котором идет речь в деле, от его важности для человека, от характера вмешательства и от цели, которую оно преследует. Объем свободы усмотрения обычно уменьшается, когда право, о котором идет речь в деле, имеет решающее значение для эффективного пользования человеком глубоко личными правами или правами, имеющими ключевое значение (см. постановление Европейского Суда от 27 мая 2004 г. по делу «Коннорс против Соединенного Королевства» [*Connors v. the United Kingdom*] (жалоба № 66746/01), § 82, в котором содержатся отсылки к другим постановлениям Европейского Суда по данному вопросу). Когда речь идет о каком-либо особенно важном аспекте существования человека или о его неприкосновенности, свобода усмотрения государства ограничивается (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эванс против Соединенного Королевства» [*Evans v. the United Kingdom*] (жалоба № 6339/05), § 77, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2007 — ...). Тем не менее, когда речь идет о вопросах, по которым между государствами — членами Совета Европы отсутствует согласие, то есть о вопросах, касающихся либо сравнительной важности соответствующего интереса, либо того, как его наилучшим образом защитить, объем свободы усмотрения государства увеличивается (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Диксоны против Соединенного Королевства» [*Dickson v. the United Kingdom*] (жалоба № 44362/04), § 78, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2007 — ...).

103. Защита информации личного характера чрезвычайно важна для осуществления человеком права на уважение его личной и семейной жизни, которое гарантируется статьей 8 Конвенции. Национальное законодательство не должно допускать использование информации личного характера способами, несовместимыми с гарантиями, которые содержатся в этой статье Конвенции (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Z. против Финляндии», § 95). Это становится тем более необходимым тогда, когда речь идет о защите информации личного характера, которая подвергается автоматизированной обработке, и не в последнюю очередь тогда, когда ее использует для своих целей полиция. Национальное законодательство должно, в частности, обеспечивать, чтобы эти данные являлись достаточными и не чрезмерными для целей их хранения и хранились в форме, позволяющей установить субъектов данных, не дольше, чем это требуется для достижения целей хранения этих данных (см. статью 5 Конвенции о защите данных и Преамбулу к ней, а также принцип 7 Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(87)15, регламентирующей вопросы использования информации личного характера в деятельности полиции). Кроме того, национальное законодательство должно предусматривать достаточные гарантии эффективной защиты хранящихся персональных данных от ненадлежащего использования и злоупотреблений (см., в частности, статью 7 Конвенции о защите данных). Приведенные выше соображения особенно актуальны в отношении защиты особых категорий более конфиденциальной информации (см. статью 6 Конвенции о защите данных), в частности, информации о ДНК, в которой запечатлен генетический облик человека, имеющий огромную важность и для него самого, и для его семьи (см. Рекомендацию Комитета министров Совета Европы № R(92)1 об использовании анализа ДНК в рамках производства по уголовным делам).

104. Интерес субъектов данных и общества в целом в защите сведений личного характера, в том числе отпечат-

ков пальцев и информации о ДНК, может оказаться менее значимым, чем правомерный интерес в предотвращении преступлений (см. статью 9 Конвенции о защите данных). Тем не менее, поскольку эта информация по самой своей природе имеет личный характер, Европейский Суд должен тщательно анализировать любую принимаемую государством меру, разрешающую ее хранение и использование властями без согласия лица, которого она касается (см., *mutatis mutandis*, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Z. против Финляндии», § 96).

(ii) *Применение этих принципов в настоящем деле*

105. Европейский Суд считает бесспорным, что борьба с преступностью, в частности с организованной преступностью и терроризмом, — один из вызовов, стоящих перед современными европейскими обществами, — во многом зависит от использования современных научных методов расследования и методов установления правонарушителей. Более пятнадцати лет назад Совет Европы признал, что метод анализа ДНК дает преимущества в ходе производства по уголовным делам (Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R(92)1, см. выше, пункты 43—44). Никто не оспаривает также, что с тех пор государства — члены Совета Европы сделали быстрый и заметный прогресс в использовании информации о ДНК для установления невиновности или виновности лица.

106. Тем не менее, признавая важность генетической информации для выявления преступлений, Европейский Суд должен определить круг вопросов, подлежащих рассмотрению по настоящему делу. Вопрос заключается не в том, можно ли считать оправданным с точки зрения Конвенции хранение отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей ДНК вообще. Единственный вопрос, на который должен ответить Суд, — это вопрос о том, оправданно ли с точки зрения пункта 2 статьи 8 Конвенции хранение отпечатков пальцев и информации о ДНК заявителей, подозревавшихся, но не признанных виновными в совершении определенных преступлений.

107. При рассмотрении этого вопроса Европейский Суд уделит должное внимание соответствующим документам Совета Европы, а также законодательству и правоприменительной практике других Договаривающихся Государств. Базовые принципы защиты информации требуют, чтобы хранение данных было соразмерно цели их сбора, и ограничивают сроки их хранения (см. выше, пункты 41—44 настоящего постановления). По-видимому, эти принципы единообразно применяются Договаривающимися Государствами в деятельности полиции в соответствии с Конвенцией о защите данных и последующими рекомендациями Комитета министров Совета Европы (см. выше, пункты 45—49 настоящего постановления).

108. Если говорить конкретно об образцах клеток, то в большинстве Договаривающихся Государств их разрешено брать в рамках производства по уголовным делам только у подозреваемых в совершении преступлений определенной минимальной степени тяжести. В подавляющем большинстве Договаривающихся Государств, в которых функционируют базы данных по ДНК, образцы и извлеченные из них профили ДНК должны быть удалены или уничтожены либо сразу же, либо в течение определенного ограниченного срока после вынесения человеку оправдательного приговора или снятия с него всех обвинений. В некоторых Договаривающихся Государствах допускается некоторое ограниченное число исключений из этого принципа (см. выше, пункты 47—48 настоящего постановления).

109. Особенно важное значение в связи с этим имеет позиция Шотландии, которая входит в состав самого Соеди-

ненного Королевства. Как отмечалось выше (см. пункт 36 настоящего постановления), Парламент Шотландии высказался за то, чтобы разрешать хранение ДНК тех, кому не был вынесен обвинительный приговор, лишь тогда, когда речь идет о совершеннолетних лицах, обвиняемых в совершении преступлений насильственного или сексуального характера, и даже в этом случае только в течение трех лет с возможностью продления срока хранения этих материалов еще на два года с согласия шерифа.

110. Эта позиция полностью соответствует Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(92)1, в которой подчеркивается необходимость дифференцированного подхода к различным обстоятельствам и применения строго определенных сроков хранения информации, даже в более серьезных случаях (см. выше, пункты 43—44 настоящего постановления). На этом фоне бессрочное хранение отпечатков пальцев и ДНК любого человека любого возраста, подозреваемого в совершении правонарушения, которое влечет за собой постановку на учет в полиции, допускается в Совете Европы, по видимому, только в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии.

111. Государство-ответчик особо подчеркивает тот факт, что Соединенное Королевство применяет самые передовые технологии использования образцов ДНК для выявления преступлений и что остальные государства еще не достигли такой степени зрелости с точки зрения размера баз данных по ДНК и содержащихся в них ресурсов. Государство-ответчик утверждает, что значение сравнительного анализа законодательства и правоприменительной практики в других государствах, соответственно, ограничено.

112. Тем не менее Европейский Суд не может пренебречь тем, что, несмотря на преимущества, которые дает существенное увеличение объема базы данных по ДНК, другие Договаривающиеся Государства предпочли ограничить хранение и использование такого рода информации, чтобы достичь надлежащего равновесия между противоборствующими интересами, обеспечивающее неприкосновенность личной жизни. Суд отмечает, что защита, предоставляемая статьей 8 Конвенции, недопустимо ослабнет, если использование современных научных методов в ходе производства по уголовным делам будет разрешено любой ценой и без тщательного сопоставления потенциальных преимуществ, которые дает всестороннее использование таких методов, с важными интересами, связанными с защитой личной жизни. По мнению Суда, ярко выраженное согласие между Договаривающимися Государствами по этому вопросу имеет существенную важность и ограничивает свободу усмотрения государства-ответчика при оценке допустимых пределов вмешательства государства в личную жизнь в этой сфере. Суд полагает, что любое государство, претендующее на роль первопроходца в развитии новых технологий, несет особую ответственность за соблюдение справедливого равновесия в этой области.

113. В настоящем деле отпечатки пальцев, образцы клеток и профили ДНК заявителей были получены в рамках производства по уголовным делам, возбужденным в отношении первого заявителя по подозрению в попытке совершения кражи и в отношении второго заявителя — по факту преследования им своей сожительницы. Эта информация хранилась на основании законодательства, допускающего ее бессрочное хранение, несмотря на то что первому заявителю был вынесен оправдательный приговор, а производство по уголовному делу в отношении второго заявителя было прекращено.

114. Европейский Суд должен рассмотреть вопрос о том, имеет ли под собой соответствующие и достаточные основания постоянное хранение отпечатков пальцев и информации о ДНК всех лиц, подозреваемых, но не признанных виновными в совершении преступлений.

115. Несмотря на то, что возможность хранения отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей ДНК лиц, которым не был вынесен обвинительный приговор, появилась в Англии и Уэльсе лишь в 2001 году, государство-ответчик утверждает, что их хранение, как было показано, является необходимым элементом борьбы с преступностью. Конечно, кажутся весомыми статистические и иные доказательства, свидетельствующие о том, что профили ДНК, которые ранее подлежали бы уничтожению, во многих случаях совпали с материалами, взятыми на месте преступления. Они рассматривались в Палате лордов и были включены в материалы, представленные государством-ответчиком (см. выше, пункт 92 настоящего постановления).

116. Тем не менее заявители утверждают, что статистические данные вводят в заблуждение, и эту точку зрения разделяют авторы доклада Наффилдского совета по биоэтике. Действительно, как указывают заявители, эти данные не говорят ни о том, в какой степени эта «связь» с образцами, взятыми на месте преступления, приводила к вынесению подозреваемым обвинительных приговоров, ни о количестве обвинительных приговоров, вынесенных благодаря хранению образцов ДНК лиц, которые не были признаны судом виновными в совершении преступлений. Не доказывают они и того, что большое количество совпадений образцов ДНК с материалами, взятыми на месте преступления, стало возможным только благодаря бессрочному хранению данных о ДНК всех таких лиц. В то же время в большинстве конкретных дел, на которые ссылается государство-ответчик (см. выше, пункт 93 настоящего постановления), данные о ДНК, взятые у подозреваемых, совпали только с материалами, ранее взятыми на месте преступления и хранящимися в базе данных. Однако такие совпадения могли бы иметь место даже в отсутствие законодательства, допускающего бессрочное хранение данных о ДНК всех лиц, подозреваемых, но не признанных виновными в совершении преступлений.

117. Хотя ни предоставленные государством-ответчиком статистические данные, ни приведенные им примеры сами по себе не показывают, что успешного установления правонарушителей и преследования их в уголовном порядке можно было бы достичь без постоянного и недифференцированного хранения отпечатков пальцев и данных о ДНК всех лиц, находящихся в таком же положении, как и заявители, Европейский Суд допускает, что увеличение объема базы данных по ДНК тем не менее способствовало выявлению и претворению преступлений.

118. Остается, однако, вопрос о том, соразмерно ли такое хранение и обеспечивает ли оно справедливое равновесие между противоборствующими публичными и частными интересами.

119. В этом отношении Европейский Суд поражен всеобъемлющим и не делающим никаких различий характером полномочий соответствующих властей по хранению информации личного характера в Англии и Уэльсе. Она может храниться независимо от характера и степени тяжести преступления, в совершении которого человек первоначально подозревался, и от возраста подозреваемого; отпечатки пальцев и образцы могут быть взяты — и подлежать после этого хранению — у человека любого возраста, задержанного в связи с совершением любого правонарушения, влекущего за собой постановку на учет в полиции, в том числе мелкого правонарушения или правонарушения, не предполагающего наказания в виде лишения свободы. Хранение этих материалов не ограничено по срокам; они хранятся бессрочно независимо от характера или степени тяжести преступления, в совершении которого человек подозревался. Более того, у человека, которому был вынесен оправдательный приговор, есть лишь ограниченные воз-

возможности добиваться удаления сведений из общенациональной базы данных или уничтожения соответствующих материалов (см. выше, пункт 35 настоящего постановления); в частности, отсутствует норма, предусматривающая независимый судебный контроль за оправданностью их хранения в соответствии с определенными критериями, в том числе такими факторами, как степень тяжести совершенного преступления, предшествующие задержания, обоснованность подозрений лица в совершении преступления и любые другие особые обстоятельства.

120. Европейский Суд допускает, что степень вмешательства государства в осуществление заявителями права на их личную жизнь может отличаться применительно к каждой из этих трех различных категорий подлежащей хранению информации личного характера. Хранение образцов клеток способно привести к особенно серьезному вмешательству в личную жизнь, учитывая содержащийся в них объем генетической информации и информации о состоянии здоровья лица. Тем не менее такой недифференцированный и не ограниченный никакими сроками режим хранения этой информации, как в настоящем деле, требует тщательного анализа независимо от этих различий.

121. По мнению государства-ответчика, хранение данных о заявителях не может иметь для них никаких прямых или значительных последствий, если только когда-нибудь в будущем совпадение сведений, содержащихся в базе данных, не уличит их в совершении преступлений. Европейский Суд не может согласиться с этим доводом и вновь заявляет, что простое хранение властями информации о человеке, каким бы способом она ни была получена, следует считать непосредственно затрагивающим интересы, связанные с его личной жизнью, независимо от того, были эти сведения использованы впоследствии или нет (см. выше, пункт 67 настоящего постановления).

122. Особую озабоченность в данном контексте вызывает опасность социальной стигматизации человека, возникающая в связи с тем, что с лицами, находящимися в том же положении, что и заявители, которым не был вынесен обвинительный приговор и которые имеют право считаться невиновными, обращаются так же, как с осужденными. В связи с этим Европейский Суд не должен забывать о том, что предусмотренное Конвенцией право каждого человека считаться невиновным предполагает общее правило, в силу которого после вынесения обвиняемому оправдательного приговора не допускаются никакие сомнения в его невиновности (см. постановление Европейского Суда от 21 марта 2000 г. по делу «Асан Рушити против Австрии» [*Asan Rushiti v. Austria*] (жалоба № 28389/95), § 31, в котором содержатся отсылки к другим постановлениям Европейского Суда по данному вопросу). Действительно, хранение персональных данных заявителей нельзя приравнивать к появлению сомнений в их невиновности. Тем не менее возникающее у них ощущение, что с ними обращаются не так, как с невиновными, усугубляется тем, что их данные хранятся бессрочно и на тех же условиях, что и данные осужденных, в то время как сведения о тех, кто никогда не подозревался в совершении преступлений, подлежат уничтожению.

123. Государство-ответчик утверждает, что полномочия властей по хранению относятся ко всем отпечаткам пальцев и образцам ДНК, взятым у человека в связи с расследованием по уголовному делу, и не зависят от того, виновен он или нет. Далее, государство-ответчик заявляет, что отпечатки пальцев и образцы ДНК берутся на законных основаниях и их хранение не имеет отношения к тому, что первоначально субъекты, у которых они были взяты, подозревались в совершении преступлений; единственной целью их хранения является увеличение объема и, следовательно, расширение возможностей использования базы данных для установления

правонарушителей в будущем. Тем не менее Европейский Суд полагает, что этот довод трудно увязать с обязательством уничтожить отпечатки пальцев и образцы ДНК добровольцев по их требованию, которое предусмотрено пунктом 3 статьи 64 Акта 1984 года, несмотря на то что эти материалы имеют такую же ценность с точки зрения увеличения объема и расширения возможностей использования базы данных. Государство-ответчик должно привести веские основания, чтобы Суд мог счесть оправданным подобное различие в обращении с персональными данными заявителей и персональными данными других лиц, которым не были вынесены обвинительные приговоры.

124. Далее, Европейский Суд полагает, что хранение информации о лицах, которым не были вынесены обвинительные приговоры, может нанести наибольший ущерб несовершеннолетним, таким, как, например, первый заявитель, учитывая их особое положение и важность их развития и интеграции в общество. Опираясь на положения статьи 40 Конвенции ООН по правам ребенка 1989 года, Суд уже обращал внимание на особое положение несовершеннолетних в рамках производства по уголовным делам, отмечая, в частности, необходимость защиты их личной жизни в уголовном процессе (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 16 декабря 1999 г. по делу «Т. против Соединенного Королевства» [*T. v. the United Kingdom*] (жалоба № 24724/94), § 75 и § 85). Аналогичным образом, Суд считает, что особое внимание следует обращать на защиту несовершеннолетних от ущерба, который может быть причинен им хранением властями их персональных данных после вынесения им оправдательных приговоров. Суд разделяет мнение Наффилдского совета по биоэтике о негативном воздействии, которое оказывает на молодых людей бессрочное хранение информации об их ДНК, и отмечает озабоченность Совета тем, что проводимая политика привела к регистрации в базе данных слишком многих молодых людей и представителей национальных меньшинств, которым не были вынесены обвинительные приговоры (см. выше, пункты 38—40 настоящего постановления).

125. Подводя итоги, Европейский Суд приходит к выводу, что безоговорочный и не делающий никаких различий характер полномочий властей по хранению отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей ДНК лиц, подозреваемых, но не признанных виновными в совершении преступлений, в том виде, как это имело место в случае с заявителями по настоящему делу, нарушает справедливое равновесие между противоборствующими публичными и частными интересами и что в связи с этим государство-ответчик вышло за рамки всякой допустимой свободы усмотрения. Соответственно, хранение материалов, о которых идет речь, представляет собой несоразмерное вмешательство государства в осуществление заявителями права на уважение их личной жизни и не может считаться необходимым в демократическом обществе. Этот вывод освобождает Суд от необходимости рассматривать сомнения заявителей в достаточности некоторых конкретных гарантий в связи с такими факторами, как слишком широкий доступ к соответствующим персональным данным и недостаточная защита от ненадлежащего их использования или от злоупотреблений ими.

126. Соответственно, по настоящему делу властями государства-ответчика было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции.

II. О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 8 КОНВЕНЦИИ

127. Заявители утверждают, что они подверглись обращению, которое имело характер дискриминации по отношению к другим лицам, находящимся в аналогичной

ситуации, а именно по отношению к тем, кому не были вынесены обвинительные приговоры и образцы ДНК которых все еще подлежат уничтожению в соответствии с законодательством. Это обращение относится к их статусу и на него распространяется действие статьи 14 Конвенции, толкование которой всегда осуществлялось широко. По основаниям, изложенным в их доводах по поводу предполагаемого нарушения статьи 8 Конвенции, такое обращение не оправдано никакими разумными или объективными соображениями и не преследует никакой правомерной цели; кроме того, отсутствует разумное соотношение пропорциональности преследуемой цели предотвращения преступлений, в частности, в том, что касается образцов ДНК, которые не играют никакой роли в выявлении и в предотвращении преступлений. Хранение материалов о лицах, которые должны считаться невиновными, является совершенно неправильным и вредным различием в обращении с людьми.

128. Государство-ответчик утверждает, что статья 8 Конвенции не имеет отношения к настоящему делу, и поэтому статья 14 Конвенции также неприменима. Даже если бы ее и можно было применить, не наблюдается никакого различия в обращении с людьми, так как со всеми, кто оказался в том же положении, что и заявители, обращаются одинаково и заявители не могут сравнивать себя с теми, у кого полиция не брала образцов ДНК, или с теми, кто добровольно согласился сдать образцы. В любом случае, всякое различие в обращении, на которое жалуются заявители, основывалось не на «статусе» и не на личностных характеристиках, а на историческом факте. Если какое-то различие в обращении и имело место, оно было объективно оправданно и не выходило за рамки свободы усмотрения государства.

129. Европейский Суд обращается к сделанному им ранее выводу о том, что хранение отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей ДНК заявителей нарушает требования статьи 8 Конвенции. С учетом рассуждений, которые привели к этому выводу, Суд не считает нужным отдельно рассматривать жалобу заявителей в части, касающейся предполагаемого нарушения статьи 14 Конвенции.

III. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

130. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

131. Заявители просят Европейский Суд присудить им справедливую компенсацию морального вреда и судебных издержек и расходов.

A. Вопрос о причиненном заявителям моральном вреде

132. Заявители просят компенсировать причиненный им моральный вред и выплатить каждому из них по пять тысяч британских фунтов стерлингов за страдания и тревогу, причиненные им сознанием того, что информация глубоко личного характера о каждом из них необоснованно хранилась государством-ответчиком, а также за тревогу и стресс, причиненные необходимостью инициировать по этому поводу судебное разбирательство.

133. Государство-ответчик, ссылаясь на прецедентную практику Европейского Суда (в частности, на упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аманн против Швейцарии»), утверждает, что вывод о нарушении Конвенции сам по себе будет являться справедливой компенсацией в отношении обоих заявителей, настаивая на том, что настоящее дело отличается от дел, в которых Суд признавал Конвенцию нарушенной в связи с использованием или разглашением информации личного характера (см., в частности, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии»).

134. Европейский Суд напоминает свой вывод о том, что хранение отпечатков пальцев и информации о ДНК заявителей нарушает их права, предусмотренные статьей 8 Конвенции. Согласно статье 46 Конвенции, именно государство-ответчик принимает под надзором Комитета министров соответствующие меры общего и (или) индивидуального характера для выполнения своих обязательств по обеспечению права заявителей и других лиц, находящихся в аналогичном положении, на уважение их личной жизни (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скодзари и Джунта против Италии» [*Scozzari and Giunta v. Italy*] (жалобы № 39221/98 и № 41963/98), § 249, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2000-VIII, а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства» [*Christine Goodwin v. the United Kingdom*] (жалоба № 28957/95), § 120, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2002-VI). В этих обстоятельствах Суд считает, что вывод о нарушении Конвенции, со всеми последствиями, которые он повлечет за собой в будущем, может считаться достаточной справедливой компенсацией в этом отношении. Соответственно, Суд отклоняет требование заявителей о компенсации причиненного им морального вреда.

B. Вопрос о возмещении понесенных заявителями судебных издержек и расходах

135. Заявители также просят Европейский Суд присудить им сумму в размере 52 тысячи 66 фунтов стерлингов 25 пенсов в качестве возмещения судебных издержек и расходов, понесенных ими в связи с рассмотрением дела в Суде, представив в обоснование своих требований подробные документальные свидетельства. Эти расходы включают в себя оплату услуг солиситора (15 тысяч 83 фунта стерлингов 12 пенсов) и гонорары трех адвокатов (21 тысяча 267 фунтов стерлингов 50 пенсов, 2 тысячи 937 фунтов стерлингов 50 центов и 12 тысяч 778 фунтов стерлингов 13 пенсов соответственно). Почасовая ставка оплаты услуг солиситора заявителей составляет 140 фунтов стерлингов в час (с июня 2007 года она была увеличена до 183 фунтов стерлингов в час), услуг первого адвоката — 150 фунтов стерлингов в час, услуг второго адвоката — 250 фунтов стерлингов в час и услуг третьего адвоката — 125 фунтов стерлингов в час.

136. Государство-ответчик расценивает требования заявителей как совершенно необоснованные. Оно утверждает, в частности, что почасовые ставки оплаты труда юристов завышены и должны составлять не более двух третей от указанных сумм. Кроме того, оно утверждает, что не следует присуждать никакой компенсации в связи с решением заявителей нанять четвертого юриста на поздней стадии производства по делу, так как это привело к повторному выполнению одной и той же работы. Госу-

дарство-ответчик приходит к выводу, что компенсация судебных издержек и расходов должна ограничиваться 15 тысячами фунтов стерлингов и в любом случае не должна превышать 20 тысяч фунтов стерлингов.

137. Европейский Суд напоминает, что согласно статье 41 Конвенции возмещению подлежат лишь те судебные издержки и расходы, которые были фактически понесены, необходимы и не превышали разумных пределов (см., в числе прочих источников по данному вопросу, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роше против Соединенного Королевства» [*Roche v. the United Kingdom*] (жалоба № 32555/96), § 182, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [ECHR] 2005-X).

138. С одной стороны, рассматриваемое дело было достаточно сложным, так как его потребовалось рассматривать в Палате, а затем в Большой Палате Европейского Суда; по нему несколько раз представлялись замечания и проводились устные слушания. Кроме того, данное дело поднимает важные юридические вопросы и вопросы принципа, связанные с большим объемом работы. В частности, необходимо было подробно проанализировать споры, ведущиеся по вопросу о хранении отпечатков пальцев и данных о ДНК в Соединенном Королевстве, а также провести всесторонний сравнительный анализ законодательства и правоприменительной практики других Договаривающихся Государств и соответствующих текстов и документов Совета Европы.

139. С другой стороны, Европейский Суд полагает, что общая сумма в размере 52 тысячи 66 фунтов стерлингов 25 пенсов, возмещения которой требуют заявители, является чрезмерно высокой. В частности, Суд согласен с государством-ответчиком в том, что назначение четвертого юриста на поздних стадиях рассмотрения дела могло привести к тому, что некоторая часть работы действительно была проделана дважды.

140. Производя оценку обстоятельств дела на основе принципа справедливости и принимая во внимание свою прецедентную практику по аналогичным делам, Европейский Суд присуждает заявителям сумму в размере 42 тысячи евро в качестве возмещения понесенных ими судебных издержек и расходов за вычетом 2 тысяч 613 евро 07 центов, уже выплаченных Советом Европы в качестве покрытия расходов по оказанию юридической помощи.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

141. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена

в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. постановил, что по делу имело место нарушение требований статьи 8 Конвенции;

2. постановил, что не требуется отдельно рассматривать пункт жалобы заявителей на предполагаемое нарушение требований статьи 14 Конвенции;

3. постановил, что вывод о нарушении Конвенции сам по себе является достаточно справедливой компенсацией причиненного заявителям морального вреда;

4. постановил:

(а) что государство-ответчик должно в течение трех месяцев выплатить заявителям 42 000 (сорок две тысячи) евро в качестве возмещения понесенных ими судебных издержек и расходов (с учетом НДС, который может подлежать уплате с указанной суммы) за вычетом 2 тысяч 613 евро 07 центов, уже выплаченных заявителям в качестве покрытия расходов на получение юридической помощи; указанная сумма должна быть переведена в фунты стерлингов по курсу обмена валюты на день выплаты;

(б) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются и подлежат выплате заявителю штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка, к чему надлежит прибавить три процента;

5. отклонил остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и на французском языке и оглашено в открытом заседании Европейского Суда в составе Большой Палаты во Дворце прав человека, 4 декабря 2008 г.

Майкл О'Бойл,
заместитель
Секретаря-Канцлера
Европейского Суда

Жан-Поль Коста,
Председатель
Большой Палаты
Европейского Суда

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

This translation was made and published with the financial support of the European Commission and the Council of Europe Joint Programme «Enhancing the capacity of legal professionals and law enforcement officials to apply the ECHR in domestic legal proceedings and practices»¹.

¹ Настоящий перевод был выполнен и опубликован при финансовой поддержке совместной программы Европейской комиссии и Совета Европы «Укрепление возможностей юристов и сотрудников правоохранительных органов в деле применения Европейской конвенции по правам человека во внутригосударственных судебных разбирательствах и в правоприменительной практике».